

дразнился и подстегивал мое воображение. В электричке особо не поболтаешь, а пешая часть маршрута вполне располагала к разговору. Мы шли по путям, по неудобным для человека шпалам, встречая и провожая электрички, которые сновали немногим реже поездов в метро — час пик, час пик...

Земля вокруг закончилась крутыми откосами — мы вышли на мост через Канал им. Москвы. Яркое солнце — в первый момент, ведь вдоль дороги высокие деревья, восприятие совсем другое, чем тут, на открытости и просторе. Вода, на которой солнечная дорожка — не то золотая, не то цвета начищенной меди. И простор... Если честно, то только в одну сторону, зато какой! Церковь на горизонте — далеко где-то купола, как свечки, сверкают. А под нами — много воздуха, а под ним — вода... Тоже много!

Любимый Борисом балкончик оказался занятым — сидел там пацан, свесив ноги над пропастью, и откровенно наслаждался жизнью. Мы отправились на другую сторону.

Внизу, под нами, работал шлюз — вода переливалась, поднимаемая баржу, груженую песком. Интересно — вода скрадывает высоту, а взглянув на баржу, я понял, как все же высоко...

Явилось шампанское и бокалы — из необъятной сумки Тараканова. И явился разговор — за жизнь. Мы просто наслаждались жизнью и общением, даже парашютисты, лениво парящие над Тушино были великолепным украшением и без того прекрасной картины...

Телефон Бориса вдруг зазвонил, и несколько неожиданно для меня Борис заговорил на итальянском. Фантастичности этого я не вынес, и к концу разговора уже хохотал, откровенно и не скрываясь. Тараканов заподозрил меня в ироническом отношении к его итальянскому, но я уточнил ситуацию, объяснив, что просто описал

ее на языке доносов старых времен. Получилось следующее:

«Распивая алкогольные напитки на железнодорожном мосту через канал имени Москвы, построенный по личному указанию тов. СТАЛИНА И.В. на глазах у парашютистов Тушинского авиаклуба, граждане БТ и БМ имели радиоконтакт на иностранном языке с иностранцами».

Балкон напротив освободился, и мы пошли туда — при всем барахле и с бокалами шампузы в руках. Вид на другую сторону был великолепен... Это трудно передать словами, даже фотография

тут не поможет, нужен именно художник-пейзажист. Да и не брал я фотоаппарат. Поленился. Жалею. Оживляя пейзаж, внизу прогуливалась охранница с собакой. Посматривала на нас подозрительно, но ничего более проделать не пыталась. Оно, кстати, и понятно — не ее территория.

Солнце зашло за облако, и вода налилась свинцом — скорее сплавом свинца с золотом, он должен выглядеть где-то так, если получаем вообще. А мы уже шли назад, к цивилизации без подобных артефактов, разговаривая про жизнь... и уперлись в гастроном. Шампанское продолжилось — уже в лесочке.

Разговор дошел до песен — по очереди, понятно. Время утекало — никогда не чувствуешь этого так остро, как в моменты счастья вечером — по освещенности видно, как это ненадолго, увя. Прощаясь, мы шли к метро через еще одну железную дорогу, и, похоже, прекрасно осознавали, как это хорошо и... плохо. Маленькая сказка, устроенная двумя людьми, уходила вдаль, становилась зыбкой — как и любое впечатление от счастья.

Июль 2000 г.

- 347900, Таранпог, ул.Розы Люксембург, 46/1, кв.63
- plast@itt.net.ru

Этот номер готовили:

Антон Федоров (ответств. редактор): 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв.61; e-mail: hcab@gagarinclub.ru;

Олег Логачев (верстка): 630005, Новосибирск, ул. Гоголя 21а, кв.2; e-mail: duric@online.nsk.su;

Юлия Налбандян: 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв.166; e-mail: nalb@math.rsu.ru;

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

Если Ваше письмо (или его часть) носят личный характер и не предназначены для публикации — обязательно оговорите это.

ГОЛОС

№ 12
ДЕКАБРЬ
2000

Редакция

День добрый, друзья!

Зима... У кого-то за окном метель, у кого-то дождь стучит по стеклу или ветер подвывает... Можно читать, можно что-то напевать вполголоса... И вспоминать прошедшее лето. Помните, у Саши Черного — «Хорошо при свете лампы книжки старые листать, пересматривать эстампы и по клавишам брэнчать...». Что ж, усаживайтесь у камина, наполняйте любимым напитком чашу... стакан... рюмку... Словом, устраивайтесь поудобнее. Ведь сегодня «Голос» предлагает вам рассказы о Летних Встречах. Встречах с Городом. С Другом. С Чудом... Читайте, обсуждайте — главное, не молчите! Ведь были и у вас откровения, неожиданные повороты судьбы, ведь и вас за

* * *

Очень хорошо, что в «Голосе» такой широкий охват тем, потому что каждый может найти себе единомышленников еще в какой-то области, кроме творчества В.П.Крапивина.

Я.Знаменская

Мы по-прежнему внимательно прислушиваемся к каждому вашему слову — правда, не всегда успеваем «оперативно» вставить прибывающие в редакцию отклики в «свежий» номер. Так что приходится ограничиваться такими вот обзорами. И так...

Как и ожидалось, оживленное обсуждение вызвала своеобразная «дуэль» между В.П. Крапивиним и Б.Н. Стругацким. В 11-м «Голосе» мы уже публиковали размышления Д.Иванова. А вот и другие соображения.

«Лично у меня ощущение, что люди просто спорят о различных вещах. Думаете, редко ли приходится стискивать зубы, слушая яростный ор какой-нибудь мамы, отчитывающей последними словами своего ребенка, которому и четырех-то лет еще нет? Люди, для которых дети — побочный продукт кутежа, действительно остро нуждаются в новой системе воспитания. Потому что естественный отбор, увы, тут не работает. Но универсального решения нет и быть не может — каждый

*Однанды было лето —
Оно внезапно началось.
Однанды было лето —
Оно так много значило.
Однанды было лето,
Что в памяти теряется...
Однанды было лето —
Оно не повторяется!
Ю.Нужин*

углом поджидала Сказка! Неужели вам не хочется рассказать обо всем друзьям? И снова пережить эти волшебные мгновенья, превратив их повториться...

Да, еще несколько слов. Во-первых, самое важное, наверно, в том, что заочное общение «лоцманитов» из разных городов превращается в очное — и мы искренне верим, что встреч будет с каждым годом все больше и больше. А во-вторых... Появлявшиеся в предыдущих номерах «Письма Другу» Бориса Тараканова «зацепили» многих читателей, взявших «на вооружение» этот жанр для рассказа о своем Лете. Так что, пожалуй, справедливо, что несколько писем посвящены именно Борису.

Что ж... Надеемся, что сей пред(после)новогодний номер доставит вам несколько приятных минут. Доброго чтения! И, конечно же, ДОБРОГО ГОДА!

человек уникален, и прежде всего теми людьми, которые его окружают». **(Александр Краснянский)**

«В «заочной полемике» между Крапивиним и Стругацким по вопросам воспитания я больше склонен доверять Владиславу Петровичу. Хотя «любители» должны заниматься воспитанием или «профессионалы» — это, на мой взгляд, вторично. Многие здесь упирается в другой вопрос — о нравственном здоровье всего общества, в котором существуют «воспитатели» и «воспитанники». Если в обществе все в порядке, проблема снимается сама собой, как несуществующая. «Семья» и «школа» взаимно дополняют друг друга, не вступая в конфронтацию. А если общество болеет (как мы сейчас), опять же многое (хоть и не все!) зависит от Личности «воспитателя» (и «воспитанника» тоже). Кто станет такой Личностью — отец, мать, старший брат, любимый учитель... или Вожак Стаи Уличных Волков... Разные бывают воспитатели. И понятия о Нравственности и

катастрофе, кошмару, а как в вполне естественному, достоянному и славному делу. Слава богу, если скальпов с врагов не сдирали и головы не резали (как у хантов — «содрал радужно отливающую головную кожу его»). В этом мире войны были неотъемлемой частью бытия, их прекращение было бы сущей катастрофой. Вот индейцам американцы запрещали межплеменные войны, набеги, мирили их (ради своих выгод, конечно) — а в итоге целые поколения теряли смысл существования, цели в жизни, спивались и опускались... Так что нашим предкам в этом отношении было легче. Нас ведь гибель людей в авткатастрофах не шокирует так же, как гибель под бомбами? А те ребята жили в условиях непрерывной авткатастрофы и находили в этом свою прелесть. Что далеко ходить, еще Гоголь в «Тарасе Бульбе» писал о «о сладостной музыке пуль и мечей»... XIX век! В фильме «Танцующий с волками» американский офицер

попадает к индейцам и участвует в их войне с соседним племенем. До этого он сражался на Гражданской войне — кровь, грязь, бесконечная и бессмысленная бойня. Но война между сиу и пауни для него — совсем другое дело. Это борьба за выживание, столь же естественная, как схватки с диким зверем или борьба с наводнением. У этой войны для него есть четкий смысл — защитить свой народ, свою семью, себя. Правда, затем от преспокойно вызывается отправиться в ответный набег, но и это логично. Ведь на подобном уровне защитить себя означает уничтожить чужака. И, кстати, в реальной истории сиу именно это пытались проделать с пауни, а ирокезы успешно проделали с рядом своих соседей. Но скользко было бы возвращение такой «благодати» в наше время!

• 305026, Нурск, пр. Ленинского комсомола, 75, нв.140

И НАСТУПИЛА ВСТРЕЧА, или ИЗ МОСКВЫ — С ЛЮБОВЬЮ

Я хотел вырваться в Москву давно — очень уж много появилось знакомых. Ведь трудно назвать другом человека, которого знаешь разве по переписке да по форумам. Какой бы форум не был. Познакомиться — легко, а когда тебя просто пробивает желание встретиться лично — совсем другое дело. Как ни крути, эмоции вполне поддаются оцифровке в письмах и форумах, а когда их интенсивность доходит до определенного предела — все, никуда не деться от нужности встречи. Да и не хочется деваться!

Борис Механцев, г.Таганрог

Наконец наступил вечер пятницы — и дела были, в общем, сделаны, и блокнот сам открылся на нужной странице. Увы и ах — Бориса Тараканова еще не было дома и уже — на работе, а позвонить из номера на мобильную трубку возможности не было технической — похоже, любой житель гостиницы в Москве находится под подозрением в том, что немедленно удерет, не заплатив по счетам за телефон.

Я с печалью обозревал Бутырскую улицу с высоты семнадцатого этажа, когда проблема первого вечера в Москве разрешилась радикально — телефон звонил сам. Начитавшись разного рода литературы, я, беря трубку, уже конструировал в голове фразы, предназначенные для сутенеров, торговцев левой выпивкой, а также просто рекламных агентов. Действительность оказалась проще — позвонил собственной персоной Борис — из дома,

конечно. Оказалось, что мой номер высветился на его АОНе, а он каким-то образом проинтуичил, что это был я.

Рандеву было назначено через час — и чуть раньше назначенного времени я уже обозревал табличку «Выход из город» на станции метро «Войковская».

Нет ничего более забавного, чем ожидание человека, которого знаешь по вполне художественной фотографии — приходится считать лица, ловить глаза взглядом, надеяться... Через несколько минут я заметил, что не могу снять с лица несколько застывшую улыбку без гримасничанья. Тут-то встреча и состоялась. Еще не сказав друг другу ни слова, мы обнялись. Магия какая-то, похоже. Специфическая. Человеческого общения и личного счастья.

Мы пошли к электричке — до места, которое мне хотел показать Борис, нужно было подъехать одну остановку и немножко пройти пешком. Что мы и сделали. По дороге Борис рассказывал мне о месте — как мне казалось,

О ЛЕТНИХ РАСКОПКАХ, И НЕ ТОЛЬКО

Александр Зорин, г.Курск

Лето... Пора раскопок... Снажу, впрочем, сначала пару слов о «родимой конторе». Курский областной музей археологии (кстати, первый в России) имел при рождении некоторым образом пророческую аббревиатуру — КОМА. Для благозвучия туда втиснули букву «г» (государственный), но из коматозного состояния музей никак не выберется. Не заканчивается ремонт, не строится экспозиция, но при этом музей живет и работает. Каждое лето выезжает 2-3 экспедиции (по области), проводятся выставки, игры со школьниками и ведется вялотекущая с сезонными обострениями борьба с краеведческим музеем за коллекции. Впрочем, если откроемся, показать и так будет что. Одно здание стоит многого. Доблестные наши краеведы присвоили ему имя «Палаты бояр Ромодановских» и уверяют, что именно в его подвале переночевал Степан Разин по пути в Москву на казнь. Мы это старательно и малоуспешно опровергаем, но дом действительно хорош — своды, переходы, XVII век. Жаль, никак не удается привести его в порядок...

Только что вернулись на некоторое время домой. Копали под Львовом Люшинское городище — возможно, древнерусский Ольгов. Интересно было вернуться на старое место — семь лет назад копали тут курган. Местные еще помнят, как приезжали сюда «геологи в позатом году». Лагерем стали на том же месте. Но в остальном — все новое. Как, впрочем, и должно быть. Новые люди, новая обстановка, новое дело. Городище и селище при нем дважды основательно горели. В начале XI века при «воссоединении северян с Русью» и в конце XII века, когда сюда заехала по приглашению одного князя целая орда половцев. А с конца XVI века тут на берегу Сейма стояла сторожа — караулила от татар броды. Именно сюда подходил их степей Бакаев шлях (по имени одного неприятного типа, Бакая-мурзы) и отсюда за Сейм шла Свиная дорога. Именно тут, на широкой пойме левого берега реки, воевода Семен Пожарский погромил в 1645 г. крымцев, возвращавшихся из похода, отбил 5000 пленников. Одним словом, историческое место.

Холмы, балки и леса. «Горы Льговские», как писал один монах, или «Сниженные Альпы ЦЧО — Центральной Черноземной области», как изгалялся в 30-х годах нашего века некий географ.

Экспедиция на 2/3 из школьников от 6 до 16 лет, к тому же второй заезд обитал тут на правах «пионерлагеря». Так что веселья хватало всяческого. Ну и еще природные

катаклизмы нынешнего тропического лета — жара, ливни с грозами и духота. Залило погребок с продуктами, коробка размокла. Часть всплыла, часть потонула. Катьюшка Зубкова, ей 8 лет, глядя, как дяди с тетями суетятся, откачивая воду и выжывая банки, тихо порадовалась: «Вот хорошо, хоть какое-то приключение».

В смысле находок это, конечно, не Танаис и не Херсонес. Варварский мир, но в этом есть своя красота. Это надо себе представить — огромные просторы лесов, где вдоль рек на мысах встречаются небольшие поселки, обнесенные валом и частоколом, с тесными дымными полулеснянками, с крошечными хуторками в окрестностях. Страна, где мед, воск, пушнину и рабов заезжие купцы покупали за стеклянные бусы. Дубовые идолы, курганы с трупосожжениями, толстенные вручную вылепленные горшки с веревочными отпечатками по плечу, ямы-зернохранилища. В лесах полно зверья — кабаны, медведи. Лоси, носули, волки. Полудинки мелкие домашние свинки, овцы, козы. Своры собак. И постоянное ожидание, что из лесу или с поля явятся чужие вооруженные мужики и устроят погром. Жаль, что в свое время сюда не занесло какого-либо грала, полюбопытнее, этакого Ливингстона IX века. Если бы выбрался живым, мог бы написать вещь не хуже Геродота.

Кстати, об общности между индейцами и славянами. По моему глубокому убеждению, славяне веке в VIII-X находились там же, где сибирские племена и племена Востока Северной Америки в XVI-XVII вв. Лесные дебри, укрепленные городки, довольно немногочисленное население, непрерывные племенные войны и периодические переселения племен плюс работорговля не хуже, чем у африканских царьков XIX в. Словом, стадия, на которой и ханты, и ирокезы, и вятичи одним миром мазаны. И не надо сказок про добродушных славян, мирно осваивавших пустынные земли миролюбивых финнов. Пустых земель не бывает, лучшее всегда уже заселено, и пришелец всегда мешает хозяину. «Тихие» финны, судя по данным археологии, были в быту порой весьма жутковатыми субъектами (погребения с оружием, с отрезанными головами, захоронения одних черепов...). Славяне им не уступали. В конце VIII века на верхней Оке сидят балты (мощинская культура), в конце IX века вятичи уже под Москвой, и среди финнов средней Оки заметно балтское влияние, мощинцев же с их прежней территории как корова языком слизнула. Что в тех лесах за это время стряслось? Стоит еще учесть, что к войне тогда относились куда легче нашего — не как к противоестественной

Прогрессе у них могут быть самые разнообразные. И это тоже следует учитывать любителям построения различных теорий...» (Александр Соколов).

Уверены, что разговор не окончен! Присоединяйтесь!

Приятно, что откликнулись вы и на другие «каютные» материалы из 9-го «Голоса». Опять-таки, те же участники разговора.

«Единственный диссонанс вызывает интервью с Крапивиним. У меня с каждым разом все меньше и меньше желания задать какой-нибудь вопрос самому. Порой даже кажется, что писатель воспринимает эту деятельность как неизбежное зло. И немудрено — уж интервью-то он за сорок лет надавался...» (Александр Краснянский)

«Наибольшее удовольствие я получил в этот раз от «Каюты командора». Все-таки общение «почти живую» с Крапивиним и Б.Стругацким, материалы Механцева и Рубана производят сильное впечатление... С А.Зориным нельзя не согласиться. На мой взгляд, они с Веретенниковым вполне дополняют друг друга. Убедительная логичность одного не отменяет трезвости бескомпромиссного взгляда другого. И наоборот. ...Как мне кажется, я понимаю (в отличие от Миши), ЗАЧЕМ и ПОЧЕМУ Владислав Петрович писал и пишет свои «поздние», такие удобные для критики вещи (только очень жаль, что они уступают по силе более ранним). Теперь, ознакомившись с интервью — рад, что не ошибся. Остается пожелать писателю, чтобы новые его работы были лучше, сильнее, убедительнее и достовернее прежних» (Александр Соколов).

Что наиболее запомнилось читателям? Заметки Бориса Тараканова — «он так здорово пишет о классической музыке... Я очень люблю классику, собираю пластинки (Бах, Моцарт, Равель), а теперь с удовольствием слушаю и присланную Борисом кассету с «Временами года» Вивальди. Это под любое настроение и погоду» (Людмила Максимова). «9-й, «рыжий» номер. Все в нем прекрасно, начиная с обложки. И стихотворение очень близко мне — я тоже больше всего люблю лето.» (Александр Краснянский). Речь идет о стихотворении В.Кожевникова — Ред.). «„Голос-8“ порадовал автобиографиями лощманитов... „Бормотунчик“ славно набормотал. „Тишина“ — блеск!» (Людмила Рыжикова). Отметили читатели «голоса» Риты и Равеля Ахметшиных («жаль, что отрывочные» — Елена Логиновских), письмо Алены Мильниковой, «Тишину» Антона Федорова...

Все чаще появляется на страницах «Голоса» творчество «лощманитов». «Просто удивительно, какие

чудесные стихи пишет народ!» — замечает **Нина Козулина**. Но тут возникает проблема уже у редакции. «Публикуйте все, что вам присылают!» — предлагает **Елена Кузьминых**. Вряд ли это возможно, друзья! Ведь газета не безразмерна, а мы хотим предоставить слово как можно большему числу участников (между прочим, по самым приблизительным подсчетам, в первых десяти номерах высказались более 50 человек!). Так что просим не обижаться на нас! И не забывайте, что авторы всегда ждут от васличных писем!

Что касается откликов, пришедших в редакцию... «Многое бы хотелось сказать о прекрасном издании, строчках и рифмах. Но зачем? Слова, слова, слова... Главное — что остается в душе!» — это из письма **Танисии Березниной**. Наверное, эта оценка — самая важная!

Елена Кузьминых упоминала, что у каждого — свой вкус. Что ж, с этим никто не спорит. Более того, редакционная почта лишь подтверждает сей факт. «Стихи у Булата Мамлиева, на мой взгляд, хороши», — замечает **Александр Соколов**. А вот — «встречная» реплика: «„Бормотунчик“ просмотрел — интересно, хотя не столько сами вещи, сколько то, о чем и как пишут. Кто «под Крапивина», кто — «под Толкина» (это почему-то вызывает какое-то нутряное раздражение необъяснимое), а кто и сам собою — как правило, действительно интересно». (Александр Зорин). Свете Верхоланцевой пришлось по душе рассказы Вадима Филиппова, в то время как они же вызвали и немало упреков... Воистину, «на вкус и цвет товарищей нет»...

Ну, и напоследок... Порой в редакции начинается внутренняя дискуссия — «а туда ли мы плывем?» Последний ее всплеск был остановлен письмом, которое не хочется комментировать. Возможно, это и есть начало реализации в жизнь исходной задачи о «чебурашкином домике»: «Мне все нравится, я не могу точно сформулировать, но просто я чувствую себя не оторванной от жизни. И это очень важно. Я многих не знаю лично, например, Светлану Верхоланцеву, но теперь она мне не чужая. И пусть я со многими никогда не встречусь — но и я, наверное, для них не чужая. Значит, они могут на меня рассчитывать (как и я — на них). Могут написать, и я отвечу; могут приехать — запросто! — и я буду только рада. Вот почему мне так нравится и так важен „Голос“» (Людмила Максимова).

Завершают это обзор «письма-статьи», с подробным «разбором полетов». Мы искренне признательны их авторам! И ждем ВАШИХ откликов, оценок и предложений.

Оксана Щербина, Ивановская обл.

О «Голосе-6». Довольно интересно все и разнообразно. Люди себя проявляют. Редакция — общее впечатление — ведет себя тактично. В общем... Наверное, внимательней всего пока прочла «Бормотунчик». Сколько людей талантливых. Очень стихи Елены Поповой понравились. Ну, про Сашу Соколова и Иру Отдельнову — молчу, я не могу быть к ним объективной, я их искренне ценю, уважаю и восхищаюсь. Рассказик Ришата в первый момент страшно понравился — в плане даже не смысла, а написания. Но следующее ощущение — не к месту он здесь, не для данного издания. На фоне всего остального от него разит каким-то холодом и цинизмом. Про Вивальди вот еще понравилась, у меня Вивальди целая кассета есть, иногда слушаю, близко почему-то.

О «Голосе-8». Отклик Лены Чапаевой прочитала. В общем-то, признательна, конечно, за резонанс. Но вот только я никогда не считала, что жалость — плохое качество. Как раз в переписке с девушкой с ДЦП — когда та очень часто повторяла, что любую жалость к себе считает оскорблением и унижением, а к людям, эту жалость проявляющим, питает чуть ли не ненависть, — я тогда же для себя вывела, что человек без жалости — жестокий человек, и, в общем-то, это нормальная реакция со стороны людей, что они испытывают сочувствие к тому, кто слабее их. Да, это может задевать мое «больное самолюбие», но со стороны этих людей реакция — нормальная. Другое дело, что иногда такое «сочувствие» доходит до крайности. Так это бы любому человеку, пожалуй, не понравилось. В общем, я реально (по крайней мере, стараюсь) оцениваю и свое положение, и отношение других ко мне. Я все вижу со своей точки зрения, они — со своей... Хорошо это, или плохо, но так есть, и я учусь это понимать...

«Голос-9» вчера до полуночи почти читала. Ба! Качество как прогрессирует, уже обложка цветная. Хорошо. Письмо Светы Верхоланцевой... откровенно мрачный мир вокруг она обрисовала. Господи, да на это, наверно, каждый из нас способен. Но ведь все зависит только от

восприятия каждого отдельного индивидуума. Каким хочешь увидеть мир — таким он и будет. Не знаю... как не верю в очень радужные краски, так не верю и в такую безысходность. Будто вокруг нее не было ни единого светлого пятнышка... кроме нее самой.

«Письма с Тайваня» очень обрадовали! С Ахметшиными у меня особых дружеских отношений не сложилось, но воспоминания о них теплые. Письма — штук пять — храню. Здорово, что у них все так устроилось.

Не все материалы пока прочла. Но вот интервью с Крапивинным — да. И с Б. Стругацким. Стругацкие для меня сейчас вообще актуальны: за 3 месяца осилила уже 4 тома и намереваюсь «разобраться» со всем собранием их сочинений. Надо же, как неожиданно зацепило! Но то, что Б.С. сказал о воспитании — да, спорно. Я человек верующий. И для меня незбылема библейская истина: воспитывать ребенка — обязанность отца и матери. Ну да на эту тему можно много говорить...

О «Голосе-10». «Бормотунчик» для меня лично — особое удовольствие. Ведь на самом деле читаю какой-то попадающийся самиздат, везде много творчества... но в большей степени какое-то графоманство. Хотя есть, конечно, и свои «перлы». В «Бормотунчике» же все (или почти все) кажется очень талантливым. Ну, просто хорошо и интересно читать. Пока что успела прочитать опять-таки выборочно. (Жалко, Саши Соколова нет. Его творения я трепетно люблю). По особому и сразу зацепили чем-то стихи Булата Мамлиева. Сперва вскользь пробежала глазами, потом перечитала основательней. А потом уже глянула на название... и застыла. «Стихи Василиска»... Остолбенева — не то слово. Ведь Василиск — мой псевдоним, и как-то много ассоциаций и ощущений у меня с ним связано. Я его не придумывала, он сам собой как-то овладел мной. Своя мифология, так сказать. Я даже к этому слову отношусь, как к своей собственности... То есть... Ну, трудно объяснить. Но с Василиском у меня не все так просто. И вдруг эти стихи. В общем, нужно это все «переварить».

* * *

практически не касаюсь, чтобы не застилать первое впечатление — веру в «лучшие времена» светлые, оптимистические сюжеты... да и вообще, мне бесконечно нравится именно то время...

Но действительно, как я теперь знаю, «хороших людей вокруг гораздо больше, просто плохие более заметны»...

— нормально ли они там (в более широком месте) устроились? Они кричат — нормально. Прикидываю, что если они не вытянут, то наверху еще трое — точно поднимут. Все в порядке. Кричу — «тогда меня тащить приготовьтесь»...

Времени уже много, нам пора наверх. Веревка задержалась. Выше готовятся. Я обвязался нормально. Самое забавное, что до самого верха голос уже почти не доставал. Щель неровная, и «до 8-го этажа» докричаться тяжело (пробовали когда-нибудь до 8-го кричать?).

Смотрю на ровные гладкие стенки, уходящие вниз почти вертикально. Мысль одна «Да-а-а... Без веревки здесь труба. Не выбраться.» Посветил вниз — там какие-то грязные тряпки лежат. Ну по первоначально мне, сами понимаете, труп померещился. Свет-то от фонарика слабый, темно. Обстановка соответствует. Стало хорошо-хорошо, но потом взгляделся — нормально все. Видать, кто-то что-то разорвал, поднимаясь. Оно и неудивительно.

Выше подготовились, крикнули, и я начал прорываться наверх. Ух, как это весело было. Первые 40 сантиметров жутким трудом дались. Спинай распереться не получается, тяжело, гладко. С боков толком не упереться. Глина липнет, т.е. меня просто вытянуть не получится... Сразу взмок. Но ничего. Метр за метром поднимался. Ребята, молодцы, держали нормально. Я выше над собой петельку связал и реально двумя руками на ней подтягивался, упиравшись в стороны и более шершавый «потолок» ногами. Где-то на четверть поднялся. Стало уже пошире и полетче. Нашел место отдохнуть. Крикнул наверх, чтобы не тянули. Отдых! Вишу. Восстанавливаю дыхание и пульс... И тут слышу, выше что-то зазвенело, снатываясь... Прокатилось быстро в метре слева и звякнуло, остановившись. Кричу — «что такое?» Отвечают «Часы упустили...» Ну, блин... Надо достать. Часы брались у другого человека. Плохо. И возвращаться уже пора вовсе, время поднимает.

Перебираюсь влево и, к счастью, вижу часы метрах в полтора ниже в узком рукаве. В рукав не залезть. Рукой тоже достать нереально. Кричу, чтобы держали. Опускаюсь ниже, думая залезть в рукав снизу. Опуститься легко... Проверяю щель. Фиг. Не подступиться. Мать-мать-мать... Надо опять наверх. Кричу, чтобы

натянули и карабкаюсь. С самого верха кричат, скоро ли мы. С середины пути кричат, чтобы, хрен с ними, бросал часы и выбирался. Осматриваюсь. Напряженно думаю... Чуть выше я замечал проволоку. С боем карабкаюсь до нее, спускаюсь обратно вниз. Проволока плохо гнется. Поржавела, при сгибании ломается. Не сгибая ее, пытаюсь подцепить часы. Попробуйте по наклонной стенке наклоненным вверх карандашом тонкую цепочку потаскать. То же самое, только наклон больше, проволока длиннее и «стенка» наклонная и менее ровная. Сверху дергают. Часы чуть не срываются. Осторожно повернув голову, выдаю наверх свои мысли по этому поводу. Поворачиваю голову. Тяну. Часы срываются, но, к счастью, цепляются за уступ чуть ниже. Спускаюсь, дотягиваюсь и тяну по новой. Достая. Уф-ф-ф-ф... Радую народ.

Прорываюсь наверх. Лезть легче, но мышцы усталость чувствуют. Доползаю до ребят. У них тоже от напряжения мышцы потряхивает, но все нормально. Ребята лезут по одному наверх. Я поднимаюсь последним.

Мы провели на этих жалких 30 метрах полтора часа времени и так и не прошли их до конца. Хотелось хоть глазком посмотреть на залы ниже. Говорят, они почти не тронуты, поскольку до них мало кто доходит (только тощие и выносливые со снаряжением, идущие вниз надолго).

Остается надеяться, что к следующему году пещеру еще не закроют. А то придется другие пещеры (с более сложным спуском) штурмовать.

Это, конечно, выборочные впечатления. Здесь ничего не рассказано про дельфинов, про скатов, про рапанциков (браконьеров, собирающих раковины-рапаны, которые стояли лагерем недалеко от нас), про связь с пограничниками (в этом году у нас было 2 рации, мы у пограничников запрашивали разрешение на каждый выход, а заодно слушали все разговоры береговой охраны... там интересно было). И т.д.

Сейчас перечитываю книгу «Основы безопасного плавания с аквалангом в пещерах» Шенка Эксли. Как вы догадываетесь, это редкая возможность объединить археологию (поиск амфор), спелеологию и подводное плавание. Но надо готовиться, поскольку технические такие погружения намного сложнее и опаснее. Следующий сезон обещает быть еще более интересным!

ярких звездочек! Т.е. планктон я и раньше во время ночных купаний видел, но когда плывешь в маске под водой и ясно видишь каждую звездочку — это просто волшебство какое-то!

А еще в первые дни как-то вечером у Скал-Кораблей течение до 0.3-0.5 метров в секунду усилилось, и мы много на течении покатались. Тоже забавно. Просто зависаешь в воде без движения, и тебя несет. Вроде и не быстро, но все равно забавно так летать. Это пока не попробуешь — не поймешь. Прямо как во сне. Правда потом приходится против этого течения выгребать к натамарану (и тогда оно начинает казаться очень быстрым и сильным), но удовольствие того стоит.

Больше я не погружался, зато лазал в пещеру. Причем на самом деле лазал дважды. Как-то выдался ветреный день, погружаться не получалось из-за волн, и мы ходили на заброшенные каменоломни на Олук. Каменоломни подземные и не очень большие. Зато там просто огромное количество летучих мышей. Они пережидают там день, прилепившись к потолку в виде больших и плотных стай. Т.е. смотришь на потолок — а там большое черное шевелящееся и пищущее пятно. Пищат громко. Самое интересное там было фотографироваться. Подходишь к такой стае так, чтобы затылок бунквально рядом был с мышами (голова в потолок упирается), растопыриваешь глаза и говоришь «Снимаю!». Сверкает вспышка, и тучи мышей начинают биться тебе в спину, в затылок, по ушам... (И где их хваленая эхолокация???) И все это сопровождается жутким писком. Ощущения те еще! Особенно у девушек! ОЧЕНЬ интересно, какие у нас получатся лица на фотографиях...

Второе посещение пещеры было серьезнее. Мы на последние дни ездили на южный берег Крыма под Алушту, и там у нас должен был оставаться один сравнительно свободный день. По дороге в мою беспокойную голову пришла идея: «А что, если на этот день смотаться в Эминэ-Бир-Кобу?» В эту пещеру я лазал уже в третий раз. Ее суммарная длина — около километра, без снаряжения там делать нечего. В самые красивые залы только с веревками. Два года назад мы уже пытались штурмовать ее со снаряжением, но его было мало, народ был не подготовлен. Всего в пещере мы пробыли 7 часов — и каких! Но за 7 часов ушли не так далеко. Хотя, конечно, уже то, что мы посмотрели, было красивей других пещер Чатыр-Дага. В этом году хотелось сходить маленькой спортивной группой. Снаряжения хватало, поскольку Паша нам заказал для клуба купить в Москве целый рюкзак веревок, карабинов, обвязок и т.д. Пошли Ваш покорный слуга,

инструктор «Чайников» Наташа и еще четверо ребят из старших. По дороге я провел достаточно плотный инструктаж по узлам, скалолазанию и порядку прохождения трудных мест в пещере. По слухам, пещеру начинали оборудовать (по дороге прикидывал запасные варианты посещения соседних пещер), и эти слухи подтвердились. На первых 100 метрах появилась лестница, на стенах начали монтировать фонари (блин!!! Последнюю из близкодступных длинных пещер в Крыму закрывают!). Однако входная решетка была открыта, и никто вход не охранял.

Ну, а дальше была пещера как пещера. Хотя народ, конечно, на своды, сталактиты, сталагмиты и сталагматы смотрел широко раскрытыми глазами. Они все-таки совершенно по другому воспринимаются «в живую», чем когда смотришь их на фото, или даже в оборудованной пещере. Да и своды в 10 метрах наверху поражают. И подводное озеро радует. Красиво.

Благодаря четкости и слаженности, мы до места, до которого в прошлый раз лезли 3 часа, добрались за час(!). Это очень хороший результат, учитывая, что кроме меня все в первый раз в пещере были.

Лазание «в распорочку» по гладким скользким мокрым стенам с ходу получилось у всех. Самым интересным местом был шкуродер, на котором мы и встали. Шкуродер — это наклонная узкая щель, под углом уходящая вниз. Сначала угол ее наклона примерно под 45 градусов, а потом она уходит вниз где-то до 70 градусов (почти вертикально). Длина, на которую мы пролезли — где-то 35 метров. Для того, чтобы оценить, наково это было, представьте девятиэтажный дом (у него высота как раз 25-27 метров). Так вот. Примерно с 8 этажа мы и спустились вниз по наклонной узкой (20-40 сантиметров) пробитой водой щели до земли, а потом забирались обратно. Оценили сколько там лезть было? Точнее так — до середины пути спускались трое, а ниже — только я один. Когда спускаешься — штаны задирает до колен, свитера тоже мутузит. Потому такие щели шкуродерами и зовут. Причем вода (во время паводков) наверху, пока угол маленький, щель размывает достаточно сильно, а ниже, когда угол увеличился, получается почти водопад, щель размывается слабее и становится уже...

Там-то я и заклинился, спускаясь в самый низ. Спустился ногами вниз, поехал вроде легонько на ровном бывшем водотоке и, когда он сделался уже, меня зажало. Классика. Вишу. Думаю: «Как хорошо, что фонарик привязан, потерял бы». Пошвелелся — все нормально. Выберусь. Ощущения оценил — вроде ничего. Клаустрофобия (это когда кажется, что щель становится меньше, и тебя гора давит-давит-давит, и дышать нечем, и а-а-а-а...) не подкрадывается. Кричу наверх Диме и Лехе

Вот я и не подозревала до сих пор, что Вас — творческих, увлеченных, романтичных и т.д. и т.п., так много, и вы есть, вы здесь, в настоящем.

«Странно, мы так долго жили в городе одном»... в одной стране, на одной планете, читали одни и те же книги, мечтали об одном, верили в одно, но не знали друг друга. Как все-таки хорошо, что в конце концов все вы собрались в «Лощмане», и я вас нашла...

Столько близких и родных слов, похожие судьбы, похожее жизни, например Светлана Верхоланцева, похожи мы с ней в плане душевного одиночества, в желаниях просто с кем-нибудь поговорить... но... «никого, кто понял бы вокруг...».

А перепишкой я увлекаюсь с 1987 года, именно перепишкой, а не собирательством и т.д. и т.п. Меня интересует

обмен мыслями, чувствами, переживаниями, рассуждения о духовных исканиях и открытиях.

Именно благодаря перепишке сейчас у меня есть верные и настоящие подруги, это большое счастье, даже если видела я их только на фотографиях и разговаривала только в письмах... «и ни разу вот так не сидели, не пили и песен не пели...». Но я многому научилась у них, многое узнала, многое поняла, вот и о стихах Крапивина тоже узнала, их у меня очень немного, но что стоит одно: «В парусиновых брюках широких...»

Каждый день жду писем — это единственное, что остается ждать от жизни. Да и не важно, что ждать — важно выиграть время — время ожидания. А ожидание восстанавливает порядок, усыпляет беспокойство, заглушает голос внутреннего противоречия...

* * *

«ВСЕМ СЕСТРАМ — ПО СЕРЬГАМ» (по материалам «голоса-10»)

Василий Кожевников, Кировская область

Н.ГРАФ. Стихи на «5», но с минусом («Моргот твою мать!!!» — уж слышно по-русски).

З.КОННАН. Тоже — с минусом («голубые паруса», «просмоленные бока»...)

И.ОТДЕЛЬНОВА. Как всегда — замечательно!

Б.МАМЛИЕВ. Интересные стихи — с погружением в мир Средиземья.

А.ФЕДОРОВ. Прелестная зарисовка. Чувствуется — человек любит музыку, поэзию, любит жизнь. Желаю ему в жизни побольше встречать «Нот», а нам всем — аналогичных «настоящих вещей», маленьких радостей жизни.

А.ПРОСКУРЯКОВА (МЛАДШАЯ). Странно... ЭТИ стихи уводят в другой мир (частично схожий с творимым Крапивинным, Толкином...) И навевают всякие параллельные мысли... Наверное, у каждого в те самые двенадцать лет формируется, возникает свой Мир Мечты, у многих — остается надолго, может, навсегда. И нередко спасает от неприятностей, проблем реального мира... ДОРОГА в этот Мир открыта только самым близким, настоящим друзьям, хотя чаще — думаю — только Создателю Мира того. Для некоторых людей последнее — к лучшему (например, ваш покорный слуга — в силу характера анахоретского), ибо с приходом в твой мир друга (другого) другим станет и мир. Не исключено, что лучшим, но — другим. Значит, есть вероятность, что ты будешь тосковать по тому, только твоему... Потому что Мир Мечты — это, чаще всего, Мир Грез, то есть мечтаний,

неосуществимых в реальном мире. Но одному — даже там скучновато, особенно в возрасте тинейджерском... Может быть, творчество — это попытка приоткрыть окно в свой мир. Или даже дверь... А может быть — это попытка остановить мгновение. Не зря же говорят — пишу «для себя»... И все-таки — убежден! — наряду с роскошью человеческого общения необходима и роскошь уединения. Во-о-т... Вот какие странные ассоциации возникают у некоторых не по поводу. Да?

А.ПРОСКУРЯКОВА (СТАРШАЯ). Оригинальный сплав из Жуковского (романтические баллады), Грина (Асоль), Толкина (второй отрывок), НАРОДНОЙ сказки, чего-то еще... При безусловных достоинствах — прекрасный авторский язык, яркие метафоры, картины — есть в «Сказке о свече» какая-то вторичность. Сдается мне, эта вещь Александры — из ранних (поскольку знаю: она способна на большее. Мы некоторое время переписывались).

О.СОРОКИН. Какая-то неясная ассоциация с Чечней... А вообще — стиль Александра Соколова. Пресловутая вторичность...

Я.ЗНАМЕНСКАЯ. Отличные стихи, просто отличные! Но... есть пара строчек, с которыми категорически не хочу соглашаться:

«Ведь даже в сказках
Не все обещания выполняются...»

Хотя бы в сказках — обещания ДОЛЖНЫ выполняться. Пессимизм стихам ни к чему. Тем более — убедительным стихам.

В.ФИЛИПОВ. «Ожидание». Забавная вещь. Какая-то

«натуралистическая», что ли... Как и «Вор», впрочем. Н-нет, это просто не мое. Чувствую, что написано хорошо, однако не могу сказать — насколько, и даже — что именно хорошо... А «Там, где свет»... Какая-то обреченность. Ветерок... Бог... Не могу назвать себя атеистом, тем более воинствующим, но... помешались все на ЭТОМ Боге. Судя по ЭТОЙ жизни — либо Его нет, либо Он — слабак, которому некто Дьявол фингалы ставит (а тот щену подставляет), либо — до фени ему и житие людское, и молитвы всякие... Уныние — грех. «Я очень хочу умереть»... — ну что это?! Мне больше импонирует герой Крапивина: со стамеской против отчима с розгами.

ЛИТА. Если произведения Крапивина «заставляют» писать стихи, значит, как сказал поэт, это кому-нибудь нужно.

* * *

О «БОРМОТУНЧИКЕ» — ПО НИСХОДЯЩЕЙ

Людмила Рыжикова, Брянск

«Философ» В.КАПЛАНА не давал спать всю ночь, ей-Богу; зацепил неожиданностью этот рассказ, хотя сюжет уже не нов.

Стихи ЯНЫ ЗНАМЕНСКОЙ омыли душу, омолодили.

Спасибо всем, у кого прозвучали в стихах толкиеновские мотивы — мне мир Средиземья тоже близок, правда, без налета фанатизма.

Обе ПРОСКУРЯКОВЫХ порадовали, младшая даже больше.

Подписка на «Голос» в 2001-м году

До сих пор все наши читатели получали «Голос» бесплатно — он печатался и рассылался на средства членов редакции и немногочисленные добровольные пожертвования наших читателей — которым мы искренне признательны. Однако в 2001-м году мы уже не сможем обеспечивать всех наших читателей бесплатными экземплярами. Мы вынуждены сделать «Голос» платным.

Стоимость подписки — 30 рублей. Это — 5 номеров «Голоса» (включая расходы по пересылке). Эти деньги покрывают только часть расходов по распространению «Голоса», но если вам трудно выкроить из своего бюджета эту сумму, вы можете оплатить только ее часть, или получать «Голос» по-прежнему бесплатно. Главное — чтобы вы сообщили нам о желании не расставаться с газетой. А это можно сделать, заполнив и выслав в адрес редакции прилагаемую заявку. [Поскольку наша почта начала драть просто безбожный процент за почтовые переводы, вы можете — правда, на свой страх и риск — вкладывать деньги в заказное письмо. Такие письма всегда доходят до адресата, а принимаются на почте в закрытом виде; вот только почта имеет право вскрыть любое письмо для проверки незаконных вложений — а деньги в заказном письме как раз и являются незаконным вложением.]

Переводы высылайте по адресу: 630005 Новосибирск, Гоголя 21а кв. 2. Логачеву Олегу Петровичу.

Заявку же лучше высылать на адрес человека, от которого Вы получаете «Голос».

В.КАПЛАН. «Философ» — действительно философичная вещица. С неопределенными выводами, правда. Как — смотри телевизор — в «Моей семье» или в «Процессе»: все хорошо или наоборот — это смотря с какой точки зрения взглянуть или под каким углом... А вообще — отменная проза. И интересная. На мой, ясно, взгляд.

Л.ДЖУРНО. Стихи на «5» с плюсом. Хотел бы видеть Людмилу постоянным автором «Бормотунчика». Правда, что-то есть в них такое!...

Н.РУБАН. Ну что сказать? Прелесть!

Вообще — отличный получился номер! Спасибо всем авторам и, конечно, редакции! Здорово, что есть в клубе и талантливые сочинители, и находящие время и силы редакторы, и возможность издавать, и главный «виновник» всего — Владислав Петрович Крапивин!

Отдаю должное вкусу действительно замечательной газеты «Первое сентября» — «Зарисовки» ИРЫ ОТДЕЛЬНОЙ хороши; может, чуточку излишне красивы и замысловаты, но «Первое июня» — чудо как хорошо.

Восточные мотивы в стихах БУЛАТА МАМЛИЕВА будоражат воображение.

АНТОН ФЕДОРОВ зацепил внимание очень неожиданной идеей Башни, но вообще-то о музыке предпочитаю читать у Бориса Тараканова.

Рассказы ВАДИМА ФИЛИПОВА неплохи, но душа их отторгает, увы.

якоря. Современных. С остатками цепей. А тем же вечером мы с Андреем (мл. инструктором «Чайников») нашли и подняли небольшой якорь (две лапы и перекладина) с рыбацкого баркаса. Этот якорь на глубине метров 10 нашел себе между двух валунов щель аккурат под себя. Т.е. лапа якоря в щель вошла, а обратно уже не выходила. Причем достать его без акваланга было без шансов. Я с аквалангом его выдернуть пытался минут 10... Причем якорь потеряли недавно — год, максимум три назад. Вревка еще не перегнила, в чем мне пришлось убедиться на ощупь, развязывая узлы (другой ее конец попал в щель между камнями и намертво был прижат выросшими мидиями). Было уже темно (часов 7 вечера), муть поднялась сильная, Андрей страховал, вися выше, а я орудовал веревками, тихо матерясь про себя. А потом, мы вдвоем вовсю работая ластами его поднимали... Это была песня...

Тяжелый, гад. Когда вытянули на первый камень, я там грузовой пояс оставил — уже легче было. Вот так весело было.

Вам может показаться, что там все дно якорями усеяно? Так вот! ЭТО НЕ ТАК! В том-то весь и смак, что якоря там попадаются сравнительно редко. И именно потому искать их было интересно.

Впрочем, якоря — это еще мелочи. У нас один человек из старой гвардии разыскивает исключительно торпеды. Вот это да! Эти действительно редко встречаются. Это вам не паршивые банальные якоря. Под Опуком мы в этом году нашли аж 2 штуки! Точнее, мнения разошлись. Похоже, это была неразорвавшаяся, сравнительно свежая торпеда. Выглядела она как труба сантиметров 40 в диаметре, с одной стороны сужающаяся к винтам. А рядом еще одна поменьше валялась. Похоже, торпеда ударила о скалу и упала расколовшись на 2 части.

Осматривать ее пошли только старшие. Видимость (там берег рядом) была — 1 метр. Спустились, нашли. Привязали бук. Облавали ее... И тут старый гвардеец начал ее ножничком ковырять. Это танку дуру тонны на две весом! Тут мне как-то не по себе стало, и я обратно к катамарану вернулся. Уходило нас 5 человек. Один (Игорь Бармин, которого в этот выход жена вообще к торпедке пускать не хотела) благоразумно уплыл за мыс, Петрович (старший) — на катамаран поднялся, я тоже к катамарану ушел. И только Паша (наш!!!) и гвардеец продолжали ковырять торпеду. Лопаткой и ножиком... Впрочем, закончилось все нормально. А того, кто ковырял, в лагере обозвали «торпедун», хотя зовут его Владимир Крокмаль.

На скалах-кораблях в одном месте лежит (вернее,

лежала) хвостовая часть торпеды. Ее Крокмаль уже 3-й год разбирает. В этом году мы пытались ее поднять. Вышло опять 5 человек старших. Вызвали понтоны. Положение осложнялось сильным ветром и волной от берега. Привязали понтоны, надули (как вязали — отдельно расказывать надо!) Начали поднимать. Там тянуть надо было сильно наверх. Тянешь — конструкция поднимается, понтоны надуваются. Один передул, на поверхности давление воды уменьшилось, и он лопнул. Из него пошел воздух. Я, поскольку тянул — рядом был — дырку зажал. Но воздух выходил. Пока конструкцию к катамарану буксировали, воздух вышел довольно сильно, конструкция накренилась, один из понтонов наверх сорвался с веревок.

Говорят, красивое зрелище было, как он взлетел в воздух из воды с пеной и брызгами. Я этого не видел. Одной из веревок меня захлестнуло за вентиль баллона и увлекло на дно с хорошей скоростью вместе с торпедой (кстати, вес «куска» был килограмм 250-350...). Сильно давануло по ушам. К счастью, зацепило не сильно, когда меня внизу (метрах на пяти) перевернуло, веревка спала, и я пошел наверх. Я единственный из всех был в жилете-компенсаторе (он 200\$ стоит, удовольствие дорогое), жилет был надут и наверх я выскочил сразу. Там картина: понтон ветром с большой скоростью уносит в море, Крокмаль внизу у торпеды, а он единственный легко заводит катамаран. Спускаюсь и показываю ему наверх. Он занят распутыванием веревок и говорит (знаками). «Наверх? Иди конечно!» Я ему — «Тебе наверх!». Он — «Видишь веревки?» Я — «R\$%#%#% наверх!». Он поднялся, завел катамаран, догнал понтон. Я за это время распутал веревки. Петрович привязал веревку к валявшемуся рядом газогенератору, который мы вместо торпеды через 10 минут и подняли. А когда вернулись в лагерь, заболели уши. Легкая баротравма... Ходил с повязкой, держащей два компресса. Кстати, оценил, насколько спирт прогревает уши лучше, чем водка! СНАРУЖИ!!! Погружаться нельзя было 2 недели. Хорошо, что под конец...

Торпеду ту пытались поднять еще 2 раза, но неудачно. Из интересного стоит упомянуть еще ночное погружение. Это когда рыбы просто на дне лежат, спят, и к ним можно буквально вплотную подплывать. Да и таких рыб можно увидеть, которые днем прячутся. Но после ночного погружения на Красном море сильного впечатления не было. Зато неожиданно в неопишемый восторг меня привело просто плавание по поверхности к ребятам в гидрокостюме, маске и ластах. Был штиль, верхний слой воды был хорошо прогрет, и светящегося планктона было ОЧЕНЬ много! Гребешь ластами, выставляешь руки вперед и видишь, как вокруг них образуются завихрения

нет (занятия платные + студенты нынче зарабатывают деньги), а на выезды едут «старички» — те, кто с энтузиазмом занимался подводным плаванием 10-15 лет назад. И с таким составом людей получаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО интересные поездки.

Место, где ставится лагерь — совершенно уникально. Это 2 километра от горы Опук примерно в 60 км на юго-запад от Керчи. И дело не в природе восточного Крыма, а в том, что если смотреть в сторону моря, то справа — военный полигон, а слева — заповедник. Вы можете представить себе место в Крыму — широкий пляж, причем не песок, не галька, а мягкий, не прилипающий ракушечник... И на этом пляже направо километра четыре ничего нет, и налево километра два ничего нет... И ЭТО В КРЫМУ! Раньше я думал, что такое возможно только на Сиваше (он же — «Гнилое море»). Это там, где дно опускается медленно («километр пройдешь — все по колену»), и вода не та. А здесь — и солнце, и шикарная вода, и замечательный пляж, и практически полное отсутствие людей в одном месте!!! И никакой связи с внешним миром!!! (Как я отдохнул от Интернета, слов нет...)

Кстати, про полигон: Еще в прошлом году на горе за лагерь стояли мишени, по которым раньше стреляли с кораблей. Воронки там остались — по 4-10 метров в диаметре. А если снаряд или ракета выше уйдут — не страшно. До ближайшего села — 13 километров. Трудными военными поселений рядом нет. Тишь да гладь. Красота...

Лагерь — стационарный, кухня на газу с поваром. До моря — 20 метров, солнце — 29 дней в месяц (местные жители жалуются, что место «проклятое» — все сохнет). Компрессор работал почти отлично. И даже погода мешала не сильно. За 4 дня собрали компрессор и катамаран, получили разрешение пограничников и начали погружаться.

Паша Петриенко, как и в прошлом году, приехал в Крым с детским компьютерным клубом «Чайники». В прошлом году ребята погружались, но без специальной подготовки. Это было не очень хорошо, и я осенью подал Паше крамольную идею обучать ребят по той же системе, по какой обучают в международных организациях CMAS (<http://www.cmas.org/>) и PADI (<http://www.padi.com/>). В итоге весь год велись занятия и 3 «чайника» сдавали на «младших инструкторов» (это примерно 80% теории и практики первых ступеней CMAS и PADI), а 9 человек — на «пловцов» (это 30% теории и практики первых ступеней CMAS и PADI). Преподавал это все в течение года Паша, а принимали экзамены Главный Начальник, Главный Техник и Ваш покорный слуга (по количеству сертификатов я обогнал всех в лагере), правда опыта по

сравнению с «волками» маловато, но опыт стараюсь наращивать по максимуму. Теория сдавалась достаточно строго, хотя и забавных моментов хватало. Например, общение под водой между подводниками идет знаками. И знаки эти («Я замерз», «Трудно дышать», «Не могу продуться», «Идем туда», «Медленнее» и т.д.) надо просто выучить. Казалось бы знаков немного, но это надо было видеть, какие знаки наугад на ходу изобретались хлопцами!!! А уж что рассказывалось про декомпрессионную болезнь или устройство редуктора... Впрочем, «плавали» при сдаче только несколько человек (с первого раза не сдало экзамен двое), и то больше по школьной привычке неуверенно отвечать, ловя всеми «фибрами» реакцию на ответ. А в целом «чайники» показали класс — в прошлом году они суммарно сделали около 15 погружений, а в этом году — больше 70.

Самое интересное место погружений было — Скалы-Корабли. Это 4 скалы в 4 километрах от берега (это 15-30 минут езды на катамаране). В этом году повезло с видимостью (до 10 метров) и я активно обплывал их с северной части. Там во время штормов от волн отставались корабли, идущие в Керченский пролив. Отставались и теряли якоря. Это было сильно! В одном месте насчитал 8 якорей!!! Причем якоря большие, по 1.5 метра. Разной формы, с перекладинами, кольцами, лапами... Большинство якорей лежат еще с прошлого века и обросли слоем водорослей сантиметров по 5-10. Но вид у них от этого только живописней. Особенно когда один якорь на другом лежит. В двух местах на небольшой площади было по 3 якоря... Красота!

Самое забавное, что, начав активно искать якоря, я нашел якорь в 150 метрах от берега, во время тренировочного погружения «Чайников».

Тогда, помню, анекдот был — от стоящего на якоря катамарана 20 метров в одну сторону отплываю — нахожу в расщелине между камней целую верхнюю часть амфоры с горлышком и двумя ручками... Поднимаю ее наверх на катамаран, отплываю в другую сторону 20 метров — большой старый якорь с идущими в 4 стороны округлыми лапами... Правда видимость была 1-2 метра (у берега мутно). Причем потом мы пытались этот якорь повторно найти, и неделю ничего не получалось. Ребята уже еще два нашли (тоже старые), а «того, первого» не было. Только ближе к концу поездки его нашел Петрович — начальник лагеря. Попытались его поднять, но ничего не вышло. Врос крепко.

На другой день в утреннее погружение на Скалах-Кораблях мы с Полиной нашли два сравнительно новых

ДЛИННАЯ ДОРОГА, СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ...

Елена Попова

Время... тонкие стрелки неустанно совершают свой бег по кругу. Что мы знаем о времени, кроме того, что оно постоянно уходит от нас? Бывают дни, когда кажется — все, что нам осталось — это только воспоминания. И тогда приходит новый день, чтобы убедить нас в том, что это не так.

Это не статья, потому что здесь нет ни фактов, ни логики. Это и не записки путешественника, потому что все, что написано, написано уже после самого путешествия. Да и путешествие ли — переезд на поезде из города в город.

Итак, пожалуй, это — отрывки из дневника. Дневника воспоминаний, близких, и оттого еще более ярких.

Время... До отправления поезда «Москва-Ростов» — меньше получаса, а его еще не объявили на посадку. Уже который раз хожу высматривать его на табло. Повесили уже три поезда, уходящих следом, моего все нет. Неужели я купила билет на поезд-призрак? Увы, прости, романтика. Скорый поезд «Москва-Ростов» подплывает к многолюдному перрону. А через двадцать минут уже объявляют отправление.

Время... Это же надо было — не взять в поездку часы. Теперь остается только гадать, который час. Соседи по купе попались хорошие. Каждый занимается своим делом, ни о чем не спрашивает. Правильно, едет человек — значит надо ему. Всю жизнь бы так ездить!

К моему глубокому удивлению поезд приходит раньше часа, указанного в расписании. Жаркий воздух, солнце и оживленные лица встречающих. Среди них нахожу одно, такое знакомое по коротким встречам в Москве, по фотографиям. Здравствуй, Юля! Здравствуй, Ростов!

Ростов-на-Дону, Азов, Таганрог... Я не скажу вам ни слова об их истории, о том, что можно прочитать в книгах. Я пишу лишь о том, что запомнилось мне, о своем видении этого мира. А что до ЕЕ Величества Истории, она сама скажет за себя.

Ростов, как и любой другой большой город, поражает воображение. Контрастами. Соседством полнолюдных, «одетых» с иголки центральных улиц с небольшими улочками, вымощенными камнем и старым асфальтом. Гул машин, многоцветие витрин и платьев... и вдруг —

маленькие, оштукатуренные домики за старыми, полуразвалившимися стенами, где, проросшие в щелях каменной кладки, цепляются за жизнь дикие травы. Потом — переулки и маленькие, часто полуподвальные магазины. Здесь очень тихо. Слышен только отдаленный шум машин, доносящийся с соседних улиц — центр Города живет, подчиняясь своему времени.

Меня поражает то, что пешеходы в Ростове почти не соблюдают правила движения. Водители, кажется, тоже. На красный, впрочем, не едут. Юля, улыбаясь, объясняет все южным темпераментом и добавляет, что идти на красный свет иногда безопаснее, чем на зеленый. Позже у меня еще будет возможность убедиться в ее правоте.

Время... Время изменило в Азове все — дома, улицы, площади. В память о прошлом остался лишь вал со стройным рядом пушек. Но даже сейчас больше, чем события столетней давности, меня увлекает рассказ Юли о том, какие спектакли они, студенты ростовского университета, разыгрывали здесь раньше. Я стараюсь представить себе, как это было — смех, веселые лица, мочальная борода... пока взгляд не натывается на использованный шприц в углублении стены. Время... оно бежит очень быстро, и там, где люди убивали друг друга, теперь люди убивают сами себя. Неужели прав был герой Чингиза Айтматова, и ничего не изменилось за две тысячи лет в человеческой душе?! Но если так, то теряет смысл всякая жизнь и наше стремление сделать мир лучше. Это вопрос, который я часто задаю себе. И на который не знаю ответа.

В Азове нас всюду встречают памятники — героям революции, героям Великой Отечественной... И на берегу, рядом с речным вокзалом, памятник морякам Азовской военной флотилии — корабль, класса которого я не знаю, летящий в небо на гребне каменной волны. Почти такой же, как тот, что, взметнувшись над водами залива, охраняет покой Таганрога.

Отсюда же, с речного вокзала, уходят катера до Ростова и небольших станиц, разбросанных по рукавам дельты. От Ростова до Азова катера прекращают ходить в день моего приезда — и на неопределенный срок. Я всегда удивляюсь столь точному исполнению законов подлости. Но смиряться с ними не собираюсь и, следуя Юлиному предложению (потому что «как же можно побывать в Ростове и не покататься на чем-нибудь, кроме троллейбуса!?!») и моему замечательному умению попадать в

самые необычные истории (а как же иначе?) мы оказываемся на борту маленького кораблика, названия которого я так и не запомнила. Кораблик весело колесит по рукавам дельты от Азова к Задонью и Обуховке и снова к Азову. Чистенький, свежеевыкрашенный, он там и тут подбирает и выпускает пассажиров, и я волей-неволей слушаю множество разговоров. Вот паренек лет семи-восьми в окружении коргты сумок и ведер. Отец, бросив взгляд на сына, обращается к женщине рядом: «Вы посмотрите за ним — он один едет». Две женщины заводят разговор о ценах на рынке — тема, не стареющая во все времена. Компания молодых людей устроилась на корме с несколькими бутылками пива, оттуда иногда доносится звон и хохот. А я смотрю на тех, кто сидит молча. И думаю о том, что привело сюда этих людей, чем они занимаются, кого любят. Я знаю, что если смотреть на чужую жизнь со стороны, увидишь немного. И все-таки, по какой-то причине, это всегда было интересно для меня.

Азов нежится в лучах яркого летнего солнца, но стоит нашему кораблику обогнуть остров, как на него обрушивается плотная стена дождя. Узкий тент явно не приспособлен для того, чтобы защищать пассажиров от сильных ливней, и мы делаем единственно возможное — залезаем на лавку с ногами. Так мы и доплываем до Обуховки, где за крышами одноэтажных домиков прячется маленькая деревянная церковь. Поворот... и церковь остается позади. Над нами снова светит солнце, а черные громады туч уходят на Ростов, путаясь в золотых молниях. Юля делает вылазку на нос и через несколько секунд уже тянет меня за руку: «Идем...» Так мы и возвращаемся в Азов, стоя рядом на носу маленького кораблика, названия которого я так и не узнала.

От Ростова до Таганрога поезд идет больше двух часов. Время, вполне достаточное для того, кто любит смотреть в окно и думать мельком о тысяче разных вещей, ни об одной не думая всерьез. Справа вдоль дороги теснятся на холмах дачные поселки, слева тянется серебряный шарф «Мертвого Донца» — одного из самых широких рукавов донской дельты. В некоторых местах вода подступает к самой дороге и кажется, будто рельсы проложены прямо над водой. Иногда из-за сильных туманов — рассказывает Юля — перекрывают автомобильную трассу «Ростов-Таганрог», но железная дорога работает постоянно. И я представляю, как, утопая в клочьях тумана, проходят здесь поезда, медленно, ощупью, от станции к станции, и дальше в ночь, пока не пробьются сквозь спящую пелену яркие огни «Ростова-главного». Но так ли все, или вновь воображение рисует мне картины, далекие от реальности? Кто знает?

Шагать по Таганрогу — легко и просто, особенно с таким проводником, как Борис. Кажется, он может рассказать легенду о каждом доме и открыть историю названия любой улицы.

Маленький город, сбегающий к морю, с тенистыми улицами и площадями, по самые макушки домов заполненными солнцем. С тонкой стрелкой солнечных часов и пляжем, где можно долго идти по колену в воде, морской, и все же почти не соленой на вкус. С домами XIX века в стиле «южный ампи́р» с портиками и колоннадами. Таким я помню тебя, Таганрог. Твое имя навеки связано с именами Петра I, Чехова, Дурова. Некоторые твои памятники — мои современники, а история насчитывает века. Здесь была база азовской военной флотилии. Сюда, в один из крупнейших южных портов России, заходили торговые суда многих стран. Здесь жил, сюда вернулся после войны отец моего отца. У здания института радиоэлектроники, где он преподавал, стоит старый якорь. Студенты нашли его, отчистили и установили у парадного входа. На теплой, чуть шероховатой поверхности якоря проступают четкие буквы и если взглянуть, то можно узнать, кем и когда якорь был сделан. Здесь мы сидели за летним столиком под тентом из виноградных листьев, помните? На полпути между морем и небом. А впереди был яркий солнечный день и сотни дорог, по которым можно пройти до заката.

Не знаю, что случится увидеть вам, но если будете в Таганроге — мой вам совет: разыщите на одной из его улиц маленький музей А.А. Дурова, где служат экскурсоводами две замечательные девушки и пушистый кролик Маша — не пожалеете!

На раскопках Танаиса — древнего города богатого Боспорского царства — мы проводим весь день. Сюда приезжают экскурсии, туристы и просто люди, желающие своими глазами увидеть Историю. Каменные стены, сохранившиеся фундаменты домов причудливо переплетаются, сливаясь в глубокий лабиринт, на несколько метров уходящий в землю. Уже многие годы археологи находят здесь греческие амфоры; монеты, украшения и оружие скифских племен. С этим местом связаны легенды о бесстрашных амазонках и гомеровская Одиссея. Эту землю греки когда-то считали краем Ойкумены.

Из экскурсии по музею больше всего запоминаются фигурки животных, украшавшие когда-то скифских девушек. И — в последнем зале — осадные орудия, построенные по образцу реально существовавших в древности. Орудия — во вполне рабочем состоянии. Их разрешается вертеть, трогать, рассматривать со всех сторон. Но

Мы подошли поближе.

— Гляди-ка, а кольцо-то, оказывается, «экспериментальное»! А никакое не «экологическое» и не «экономическое». И не «Эх!».

Надо же, кто б мог подумать... Ну, надо сказать, сегодняшний эксперимент удался на славу.

Это точно!

Синий огонек маленького семафорика подмигнул нам у рельсов. Он казался маленькой звездочкой, упавшей и запутавшейся в кустах, слабые его лучики едва пробивались сквозь листву.

Что еще запомнилось? Яркий свет электрички, мчащейся навстречу. Мы сели в поезд и ехали молча, думая и вспоминая сегодняшний день. События не могли уложиться в какую-либо логическую схему, вообще не поддавались разумному толкованию. Изредка перебарщивались фразами, вроде: «А помнишь...», «А давай напишем...», и снова надолго замолчали.

— Всё-таки здорово, что мы прикинулись МИИТовцами, правда, Борь? Как ты удачно это придумал, я просто поражаюсь!

ПОДВОДНЫЙ КРЫМ — 2000

Дмитрий Ватолин

Хорошо летом на Скалах-Кораблях под водой... Видел якоря, скатов, рыб разных множество. Правда, под конец поездки получил баротравму ушей, когда мы торпеду поднимали, а через четыре дня застрял в пещере, когда скатился в узкую расщелину метров на десять вниз и заклинился... Впрочем, обо всем по порядку.

В этом году я изменил археологии. Целых семь лет до этого года ездил копать Усть-Альминское городище — второй по богатству памятник скифской культуры после Неаполя Скифского (см. в Интернете сайт <http://www.sf.amc.ru/~dv/photos/index.htm#arch>). И вот теперь уже в третий раз поехал погружаться с харьковскими подводниками (бывшая ДОСААФ-овская секция ХИРЭ — <http://www.kture.kharkov.ua/>), а к археологам мы с Полиной даже не заехали. И не пожалели.

В свое время харьковской секции повезло, для нее был куплен флотский компрессор для забивки аквалангов +

— Ага... Теперь, Антуан, расскажи мне, что врать не хорошо! Как железнодорожник — железнодорожнику.

Мы засмеялись.

На Москву опускалась весенняя ночь. Завтра — 9 мая. Ребята на своём паровозе будут катать ветеранов. Вот счастье-то старикам!

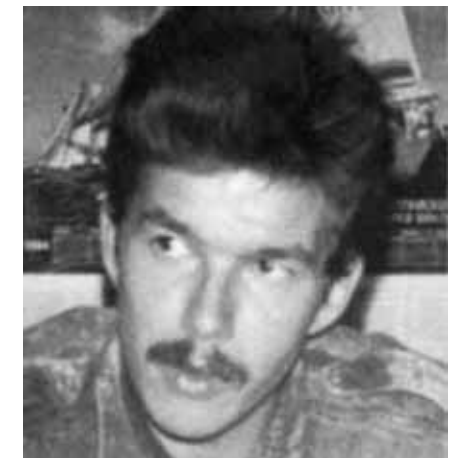
Мы вышли из электрички на платформе «Царицино», первой же в Москве остановке. Нет, господа, по сравнению с настоящим паровозом ни одна электричка в мире ни в какое сравнение не идет. Взяв у метро пива, мы чокнулись темными бутылками за здоровье «ребят с паровоза» и их удачу, и тем самым завершили один из самых счастливых дней, что нам удалось пережить. Потом заспешили домой, вновь заручившись обещанием друга, что обязательно напишем про всё, что сегодня с нами было.

Вот и написали — ведь обещания надо выполнять.

8 мая 2000 г.

- Борис Таранов: 125299, Москва, пер.2-й Новоподмосковный, 3а, кв.5
- Boris@cdru.com

хитрыми путями достался АЗ-66. Благодаря чему она сегодня действует. Забавно, что студентов в секции почти

Ребята с разных сторон поднялись в кабину (кто по лестницам с обеих сторон, а кто из тендера), а мы постарались если уж не размазаться по стенке, то, как минимум, «прикинуться ветошью», чтобы не мешать слаженной работе машинистов, кочегаров и помощнице Гале, вновь взявшейся за управление ненасытной толпой.

Тронулись. Задний ход. Неужели в самом деле едем?? Не верится. Старинная машина, а движется. Остановились. В чем дело? А, это Андрей Владимирович вышел перевести стрелку. Надо заметить, это у него получилось лучше, чем у нас. Теперь вперед. Полный вперед! Паровоз постепенно набрал скорость, разогнавшись до 30 км/ч. Мимо пронёсся небольшой домик-станция, напоминающий пристань для катеров.

По затерявшимся в траве вспомогательным веткам выехали к платформе «Щербинка». Мы поражаемся работе всей команды: любой из ребят может занять место «у штурвала» (так мы окрестили колесо реверса перед сидением машиниста), но не гнушается при этом и уголёк покидать, и дровишки поносить. Наш машинист вновь даёт гудок. В окнах подъезжающей электрички видны расплюснутые о стекло носы — пассажиры удивленно глядят на наш паровоз. Мы, одуревшие от счастья, машем им руками, нам машут в ответ. Платформа быстро остаётся позади. Мимо проносятся массивные ворота, ангары и другие железнодорожные сооружения, допотопные электрички и локомотивы, стоящие на вечном приколе, какие-то призматические кирпичные будки с незнакомой надписью «ПОНАБ».

Потом за окнами замелькала березовая роща. На соседнюю насыпь взбирается взъерошенный мальчишка лет двенадцати и, увидев наш паровоз, застывает в недоумении. «Выезжаем на кольцо», — говорит Андрей Владимирович в радию. Мы глядим по сторонам и как будто год за годом возвращаемся в прошлое нашей страны:

— Представляешь, сейчас сделаем круг и окажемся в 1929 году!

— Ага!.. Вряд ли пейзаж с того времени сильно изменился... Однако, не хотелось бы... бр-рр, аж дрожь по спине...

Несколько остановок для сбора дров. По обочинам раскидано много березовых поленьев, как будто для нас нарубленных. Мы помогаем принимать их, а на последней остановке даже спустились вниз подносить поленья к тендеру.

Замечательно, что мы вылезли и смогли увидеть это со стороны — вид незабываемый — старинный паровоз, голец из прошлого, «поезд-призрак», пыхающий паром посреди молодого березняка. Погрузились. Мы залезли обратно и сразу же высунулись в окно. Заметив нас, Галя,

смеясь, показывает: посмотрите, какие довольные рожи. Мы взглянули друг на друга — действительно, рожи у нас довольные и счастливые до безобразия, арты перекосило радостной, слегка идиотской улыбкой, которая, кажется, так и останется у нас на лицах на всю жизнь. Мы, словно мальчишки, впервые попавшие в цирк, забыли обо всем: хочется кричать, петь и махать руками, и большего труда нам стоит удерживаться от этого.

Паровоз вновь набирает ход. Мы едем дальше. Андрей Владимирович что-то передаёт по радию диспетчеру, потом поворачивается к нам.

— Только не влюбляйтесь в это. А то захватит и не отпустит потом...

Предупреждение запоздало. Наверное, теперь мы до конца дней обречены совершенно по-другому относиться к этим могучим машинам прошлого и непроизвольно ловить отзвуки паровозного гудка в сигналах проезжающих электричек.

Б.Т. Тут я вспомнил, что у меня с собой мобильный телефон и стал думать, кому бы позвонить. Никто ж ведь не поверит. Наконец, я решился и набрал номер.

— Мама! Это я! Я звоню к НАСТОЯЩЕГО паровоза! Да!! Мы на нём ЕДЕМ!!!

— Ты там не спятил?..

В этот момент машинист дал гудок.

— О-о-о-о... — сказала мама. У неё было «паровозное детство», так что этот гудок она не спугает ни с нами, ни с кем другим.

Потом прозвонил домиком Антуан, правда, гудка в этот момент не было, но его мама и так поверила.

Березняк незаметно закончился, и снова вокруг стали появляться заборы, ворота и ангары, мелькнул по правому борту и скрылся маленький, похожий на пристань домик. Круг закончился, а вместе с ним закончилась и сказка.

Начались маневры: прицепили какие-то вагоны, протаскивали их немного, оказалось — не те, вернули на место. Стемнело. Стало ясно, что поезд дальше не пойдет. Вот теперь самое время покинуть сцену. Поблагодарили и попрощались со всей командой:

— Счастливо, ребята! Спасибо вам за сказку...

Мы спустились и в последний раз посмотрели на паровоз. В темноте он был особенно красив, подсвеченный снизу. Потрогали теплый борт, погладили, уходя: «Хороший...».

Вновь мы шли мимо треугольного здания с диспетчерской (нет, оно в самом деле треугольное — кто не верит, может съездить в Щербинку — проверить). У дверей, на видном месте висела схема веток (и как мы ее раньше не заметили? Торопились очень, должно быть, на 4-й этаж).

студенты-экскурсанты бросаются в бой не сразу. Задумчиво поглаживают тетиву, положив руку на рукоятку спускового рычага, жалеют, что нет под рукой подходящей по размерам стрелы. Я тоже пробую тетиву рукой. Она, конечно, не звенит, как натянутая струна. Ну и что же? Ведь это очень легко представить. И я понимаю желание ребят прикоснуться к этому, пусть не старинному, но почти настоящему чуду, оживить его силой своей фантазии и на несколько мгновений перенестись на поле битвы, почувствовать себя участником великих событий.

* * *

В Танаисе не существует времени, так мне показалось тогда. Теперь я думаю, что оно течет здесь, как полноводная река, или похоже на море, приливы и отливы которого делятся тысячелетиями. Мы сидим на гребне нагретой солнцем стены. Над камнями стелется аромат цветущих трав, со всех сторон слышится стрекочущая песня кузнечиков. Откуда-то доносится смех и веселые голоса. Здесь они кажутся далекими, будто долетевшими из другого

мира. Но они напоминают мне о том, что есть и другие голубые, и другие дороги. И я встаю. Я иду к самому краю древнего города, куда еще не добралась человеческая рука. И вижу, как мир распахивается передо мной с вершины холма. И в голубой дымке, дрожащей над горизонтом, там, где земля сливается с небом, я различаю стук колес и живые нити бессонных дорог, я вижу теплый свет в окнах моего дома и вечные звезды над ним. Я слышу голоса тех, кто любит меня и думает обо мне там, далеко-далеко. И я улыбаюсь, и говорю этой синей дали, этому небу, всему миру, дому под звездами — Я вернусь! Подождите немного, и я скоро вернусь! Потому что теперь у нас все впереди.

- 143400, Московская обл., Красногорск, ул. Ленина, 59, кв.100
- delen@postman.ru

БЛЮЗОВАЯ ЦЫГАНОЧКА ГРУШИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Михаил Веретенников, г.Энгельс

Как-то по радио услышал такое выражение: «Любая популярная мелодия — это либо «семь-сорок», либо «цыганочка». И еще блюз. Во всех проявлениях. И если «семь-сорок» не так часто услышишь на Грушинке, то уж «цыганочку»...

Тенденция, господа. Третий год подряд замечаю, что авторская песня становится все ближе к народу. В том смысле, что, гуляя от эстрады к эстраде, слышишь буквально через песню что-нибудь в стиле «Эх раз, еще раз!». Или смотришь — Андрей Козловский «работает медленный блюз». Да и лауреаты 2000 года мало чем удивили в этом плане. На мой взгляд (естественно, абсолютно личный и, не дай Бог, не претендующий на истинность в последней инстанции), единственная песня, получившая звание лауреата фестиваля им. В.Грушина, которую вообще можно было слушать, опять-таки была написана в откровенной блюзовой манере.

Но это все так — к вопросу о вечном брюзжании на тему «Нуда же это катится авторская песня». Да пусть себе катится. Куда угодно. Лишь бы в принципе катилась, а не стояла на месте и не покрывалась плесенью. Блюз? Да

ради Бога! Как декламировал Вадим Байрак: «Блюз — это когда хорошему человеку плохо, но кто сказал, что я хороший человек!» Полностью с ним согласен.

Ну, а уж цыганочку петь и плясать, это вообще в крови у нашего народа. Это классика жанра, а классику следует любить, почитать и множить.

Так что на самом деле все было просто замечательно. Видимо, Грушинка — единственное «мероприятие», на котором сокращение финансирования сказалось благотворно. Не знаю как кому, а мне понравилось. Причем понравилось не только традиционное общение, костры, спирт под гитары и т.д. Кроме этой (безусловно, очень

важной составляющей фестиваля) мне очень понравилась «официальная» часть.

Мне было очень хорошо на горе хотя бы потому, что впервые за три года эта ночь началась у меня с того, что я пришел, сел и стал слушать концерт, а не стал яростно оборонять свое место от толпы желающих его занять. Вот ведь смех — на прошлой Груше перед концертом я ровно полтора часа занимался тем, что с помощью различных идиоматических выражений спрашивал всевозможных желающих занять «на халяву» место в саратовском кусочке Горы. Причем схватка была явно не на жизнь. Как пел Юрий Кукин, «люди гибнут за места». Слава Богу, тогда до драки не дошло. А итог? Через три часа я просто сбежал с Горы (причем далеко не один), потому как не мог больше вынести творившейся там порнографии с использованием синтезаторов и фонограммы.

Как результат — в этом году я уж совсем решил не ходить на Гору. Друзья уговорили. Пошел, и совершенно не пожалел об этом.

Как не пожалел, что на следующую ночь пошел на третью эстраду и буквально простоял всю ночь (уже пятую бессонную у меня), слушая концерт закрытия фестиваля.

Единственное, что обидно, так это то, что все-таки было очень мало новых песен. Не знаю, с чем это связано. То ли с коммерческими соображениями (не петь до выхода альбома), то ли «не болит ничего и не пишется». А может быть, не то и не другое, а просто хочется петь вместе с Горой, вместе с поляной старье, хорошо известные популярные песни.

Еще одно отличие фестиваля-2000 от предыдущего в том, что было очень мало концертов по эстрадам. Если в прошлом году, плюнув на явно провалившуюся «официальную» часть, мы с друзьями «отрывались» на сольных концертах по эстрадам, то на этом фестивале нормально работала только эстрада Второго канала, на которой можно было услышать действительно

интересные вещи. И это было обидно, ведь на гала-концертах (как бы хорошо они не были) у всех жесткий регламент — 3-4 песни и «до свидания».

Кроме эстрады Второго канала, много интересного было на новой площадке «На пеньках», где буквально царили А.Козловский, А.Баранов и джаз-блюз-бард гитара.

И, конечно, говоря о неофициальных площадках, нельзя не сказать о Тольяттинской поляне. Чайхана была просто классная. Такой «показатель»: буквально приползла туда в девять утра (утро воскресенья, после концерта на Горе), я не уснул, не задремал на солнышке, и даже не заметил, как пролетели пять часов концерта. И возвращался я оттуда уже довольно бодрой (насколько это было вообще возможно) походкой, вспоминая про великую силу смеха.

Что еще рассказать о фестивале? То, что многие гранды не доехали до поляны — это и так известно из сообщений центральных СМИ. А хорошо это или плохо — отдельный вопрос. Лично я считаю, что не так уж это и плохо, ибо появилась возможность более спокойно и полно послушать молодых авторов, тех, кто обычно в тени.

А что действительно обидно, так это то, что, пожалуй, впервые я понял, что людям, собравшимся здесь, по большому счету все равно, что носить на шее — гитарку в виде груши, яблока или еще какого-либо овоща. И за фестивалем прочно и, кажется навсегда закрепилось название «Груша». А о Валерии Грушине как-то уже и не вспоминается...

Пожалуй, это все, что я хотел написать про 27-й фестиваль авторской песни им. В.Грушина. Дай Бог, не последний. Дай Бог, чтобы мы еще много раз собрались вместе и спели замечательный блюз Андрея Козловского: «Вниз по Золотухе, по великой реке».

Эх раз, еще раз,
Еще много, много раз...

19.07.2000

«РАЗБИЛОСЬ ВЕНЕЦИЙСКОЕ СТЕКЛО»

Писать про ролевые игры, на мой взгляд, нельзя — на игры надо ездить. Иначе те, кто не был ни разу, просто не поймут, о чём, собственно, речь, а кто был, обязательно скажет: «Не так всё это было, братцы, не так».

Поэтому не ждите от меня подробного описания сюжета, рассказов о том, что было и чего не было, красочных повествований о боях и интригах.

Это письмо — просто небольшая заметка об ещё одной «сказке этого лета», родившейся на берегу реки Волги, недалеко от Саратова. Речь идёт о ролевой игре «Лица и

маски эпохи Возрождения», которую в народе задолго до начала окрестили просто «Венеция».

Я не хочу долго рассказывать о том, что такое ролевые игры вообще. Об этом, по-моему, уже и так сказано достаточно (в т.ч. и в «нашей» прессе). А для тех, кто ещё не в курсе дела, сообщу, что ролевая игра (в нашем понимании) — это когда большая толпа придурков (не обижайтесь, сам такой) целый год изучает эпоху, съёт костюмы, тербит мастеров по поводу ролей и индивидуальных вводных, а потом на 3-4-5 дней выезжает на природу, надевает те самые костюмы, цепляет к поясу деревянные

переключателями, рычагами и клапанами. Справа от котла — весело раскрашенное колесо, напоминающее шурувал, а над ним — концептуальная табличка: «Машинист! Проезд на запрещающий сигнал семафора — преступление перед ГОСУДАРСТВОМ!», — несомненно, висящая тут с того самого 1929 года.

Над топкой шипел самоварного вида краник, закреплённый на медном змеевике. Он сердито плевался кипятком с периодичностью 5-6 секунд. Нам сказали, что уголь в топку надо кидать синхронно с шипением этого краника. Пошутили, наверное... Хотя тут же мы и увидели, как это делается. Сам процесс напоминал кадры из фильма о гражданской войне — боевая подруга Аркадия, Галя, одетая в чёрную робу, отточенными движениями открывала пасть топке, а её вихрастый друг закидывал в ревущее пламя очередную лопату угля. Для сохранения антуража не хватало только чумазого белогвардейца с винтовкой.

Через несколько минут безмолвного оглядывания интрьеря с нашей стороны посыпались глупые вопросы в стиле Жванецкого:

— А что это у Вас такое, всё время без пятнадцати восемь?

— Гхм... это манометр.

— Что Вы говорите... Я смотрю, здесь вообще много манометров.

— Меньше, чем в самолете, — усмехается Аркадий.

— Как же вы в них разбираетесь?

— Да на них же все написано. На рукоятках тоже.

И в самом деле: «Форсунка...», — прочли мы на одной из них.

— А этот что показывает?

— Этот? Давление в котле. Дойдет до 12 — видишь, черта — можно будет ехать.

Неужели в самом деле можно? А в голове все время крутится: «Това-ариц летчик, ну что-о вам стоит...». Хотя, в нашем случае, это было бы: «Това-ариц машинист...».

— А сегодня поедете?

— Ребята, какие могут быть гарантии? Машина старая, неизвестно ещё, что выкинёт. Вот завтра приходите, увидите.

За-автра...

Ну что вы там, клапан открыли? — закричал снизу Женя, один из «основняков» паровозной команды, — Давай, трави помаленьку!

Предохранительный клапан проверили с карлсоновской ловкостью. Сбоку с шипением полетели клубы белого пара. Совсем как в старом кино... Давление в котле стало расти, стрелка медленно, но неумолимо поползла

вверх.

Через несколько минут пришёл Николай Алексеевич, как мы поняли, основной руководитель, вдохновитель и, наверное, даже основатель всей этой замечательной паровозной команды. Поздоровался со всеми, не забыв нас, «студентов». Велел полить уголь в тендере. Безумно хотелось спросить: «А зачем?», но в этот момент Аркадий решил в очередной раз «проверить лёгкие» и дернул гудок. Паровоз истошно заорал. От неожиданности мы подскочили на месте. Очевидно, со стороны это выглядело довольно выразительно, потому, что Галя с Аркадием, глядя на нас, не могли удержаться от смеха. Затем Аркадий подсоединил к какой-то блямбе возле котла чёрный шланг с узким наконечником и полил уголь водой.

Мы достали бутылку с остатками «Ром-Колы» и пустили её по кругу: «Будете?».

— А градусы в ней есть?

— А как же! Целых... — беглый взгляд на бутылку, — девять!

— Тогда давай...

Пустую пластиковую бутылку скормили топке: «Бросай, не бойся. Жрёт всё...».

Ну вот, похоже, и конец приключению. Наверное, не стоит дожидаться, пока нас деликатно погонят, а лучше уйти самим. Все равно, было замечательно. Собрались уходить. Но что-то внутри сопротивлялось этому очевидному решению.

— А давай пока оставим тут сумки. Будет повод вернуться.

— Пожалуй...

Мы начали спускаться по отвесной лесенке.

— Э... Не так слезаешь, — сказал Николай Алексеевич, — повернись лицом к паровозу, теперь... вот, молодец.

Чтобы не стоять на одном месте, мы решили ещё раз осмотреть чудо прошлого снаружи: обошли вокруг паровоза, полюбовались, какой он смазанный и ухоженный. Непонятное устройство, венчаемое узкой трубкой, периодически выдавая кружевное облако пара, издавало тот самый «чух-чух», который все мы с детства привыкли ассоциировать с паровозной техникой. Потрогали огромные, выкрашенные красной краской, колеса (метра полтора в диаметре, не меньше).

— Слушай, полезли назад, пока не гонят?

— Ну... давай.

Следом за нами в кабину поднялся Андрей Владимирович.

— Ребят, встаньте в сторонку. Сейчас прошвырнёмся немного.

Мы восторженно посмотрели друг на друга («Yes!!» правый локоть сам собою пошел к левой коленке).

явно местных, которые и тянуть могут при случае...
Нерешительно мы остановились около старого паровоза. Наверняка все внутри разворовано, и все же ужасно хочется подняться по железной лесенке наверх, посмотреть на кабину, какая она внутри. Однако собаки вот... а вот и люди, видимо, сторожа.

Боря предлагал пойти договориться с ними, упирая на то, что мы, опять же, студенты МИИТа. Я же говорил, что можно просто зайти с другой стороны паровоза и залезть там в кабину. И вообще, врать нехорошо...

Однако собаки и под колесами пролезть могут, а ну их совсем... короче, перевесили рассудительность и жизненный опыт — пошли к мужикам. Самый старый из них, действительно сторож, уперся напрочь — не позволю, и все тут! Идите к диспетчеру, вон, на 4-й этаж. Идите, идите!

Повинуясь его напору, мы вошли в странное треугольное здание и поднялись на лифте, все сильнее склоняясь к мысли, что поход наш совершенно бессмысленен, и все более и более вязнет в дебрях дешевого сюрреализма — ну чем нам поможет диспетчер? На 4-м этаже мы тыркнулись в несколько запертых дверей, и, найдя, наконец, диспетчерскую, постучали.

Диспетчерская оказалась обширным помещением, перегороденным совершенно невообразимых размеров пультом. В дверях стоял широкий в плечах бритый мужик, явно собиравшийся уходить. Опять сказка про МИИТ с новыми леденящими душу подробностями: зверь-препод, стерва-деканша, сволочь-староста, отчисление целыми косяками...

— Ну ладно, ладно... — сжалился мужик, — А на какой паровоз вы хотели посмотреть? На эти что ли развалины внизу?

— А есть разве еще? — в один голос спросили мы.

Мужик криво усмехнулся: «Пошли. С-студенты...». По дороге он официально представился:

— Андрей Владимирович Баринов, машинист-испытатель первого класса... — тут его перебил мочукий гудок.

— Легкие пробует, — сказал наш новый знакомый.

Возле большого ангара тязно вздыхал и пыхал паром огромный чёрный агрегат с трубой, большими колёсами, угольной тележкой и массой непонятных приспособлений. На ее борту красовалась надпись: «ЭСу 699-74». Мы обомлели...

— А... А сколько ему лет? — вопрос прозвучал глупее некуда.

— Двадцать девятого года рождения, — последовал ответ. — Завтра, по случаю Дня Победы, к нему прицепят несколько вагонов и будут катать ветеранов. А сегодня

проверяют на «боеготовность».

— Понятно... А можно мы... ну... это... А? — Наверное, в этот момент у нас обоих были слишком умоляющие глаза.

Из кабины высунулась светлая вихрастая голова:

— Что с вами делать... Поднимайтесь. Только куртки ваши светлые лучше в сумку положите — грязно тут...

Не помня себя от радости, мы попихали куртки в пакеты и устремились по отвесной лестнице наверх, всё ещё не веря в удачу.

Б.Т. Наверное, ребятам, «населяющим» кабину, нужны были такие вот зрители-слушатели — с широко распахнутыми глазами и ртами, восхищенно глядящие на все вокруг и задающие глупые вопросы.

— Так, студенты, смотрите, только руками ничего не трогайте, — сказал вихрастый парень, исполняющий обязанности и кочегара и, как нам показалось, настройщика всей этой сложной огнедышащей машины, — всё горячее. Какой курс-то у вас?

Я ляпнул первое, что пришло в голову:

— Третий...

Антуан при этом почему-то поежился, а я подумал, что если со своей 32-летней физиономией до сих пор «тяну» на студента, то в этой жизни ещё не всё потеряно.

— А факультет?

Я впал в ступор. Ибо совершенно не представлял себе, как могут называться факультеты железнодорожного ВУЗа. В голове хаотично возникали какие-то стрелочники (почему-то пьяные и непременно в чёрном виноватые), обходчики путей в грязных оранжевых жилетах и угрюмые мужики, которые на стоянках за чем-то обстукивают длинными молотками колёса поездов дальнего следования. Пауза затянулась до неприличия. «Никогда Штирлиц не был так близко к провалу». Я уже рисовал себе картину того, как нас с позором попрут с паровоза, но тут мне на помощь пришёл Антуан:

— С экономического.

— Несчастные люди! — резюмировал кочегар-настройщик, — Кошмар! Меня, кстати, Аркадием зовут.

Мы по очереди пожали промасленную ладонь в разводах угольной пыли.

— Смотрите и удивляйтесь, — сказал стоящий у нас за спиной Андрей Владимирович, и жестом обвёл кабину машиниста.

Точнее сказать, кабины никакой тут не было — всего лишь узкий проход между топкой и тендером, прицепом с углем. Над топкой — задняя стенка парового котла, вся утыканная какими-то кранами, вентилями, рукоятками,

или пластиковые мечи и начинает «вживаться в жизнь» игрового времени.

Самое интересное время (по крайней мере, для мастерской группы) — это подготовка к игре, когда перелопачивается груда материала, выдумываются кучи легенд, плетутся интриги, распределяются роли и просчитываются вероятности развития событий.

Но это всё общие замечания, хорошо известные мало-мальски опытному игроку.

Вернёмся же к заданной теме.

Лично для меня в этой игре самое интересное заключалось в том, что в качестве отыгрываемого времени было выбрано не классическое западноевропейское феодальное средневековье, а уже вполне цивилизованная эпоха Возрождения.

Тенденция, однако. Чем старше ролевое движение, тем круче вооружение и костюмы (да и вообще всяческая атрибутика), и тем меньше желания играть в чисто «выносные» игры, т.е. игры, где народ только и занят тем, что рубится направо и налево. И хотя «Лица и Маски» тоже не обошёл «выносной синдром» (то, что главный мастер игры Вадим Шаров назвал «мужской тягой к войне», когда, услышав даже очень тихий зов трубы, большая часть мужского населения мгновенно забывает про любые интриги); так вот, несмотря на это, лично я считаю, что игра стала очень важной вехой на пути всего движения к играм «с человеческим лицом», т.е. к играм, где всё решает не то, умеешь или не умеешь ты фехтовать, есть или нет за твоей спиной дюжины крепких ребятешек в полном боевом, а то, можешь ли ты в первую очередь работать своими мозгами и добиваться успеха не грубой силой (пришёл-вынес-ушёл), а цепью очень сложных интриг.

На «Венеции» не было ни одной выносной стены! Не было ни одного серьёзно укреплённого лагеря (за исключением Рима, да и то укреплён он был в основном виртуально — практически мастерским произволом). При таких условиях на обычной игре весь полигон был бы в мертватнике через час после начала. Я не могу сказать, что мастер страны мёртвых на нашей игре был безработным, но, честно говоря, с трупами ощущалась некоторая напряжённость. Зато уж чего-чего, а интриг на «Венеции» было больше, чем достаточно. Чего только стоила одна папская курия с семейством Борджия во главе. Архив папской канцелярии составил то ли 150, то ли 200 документов. А несчастные почтари (на игре работала самая настоящая почта!) замучились разосылать отравленные письма и доносы (правда, кроме мучений, они ещё и очень неплохо на этом зарабатывали).

Ещё одна особенность игры — полигон. Это плевать, что не было родников и были большие проблемы с

дровами. Это не главное. Главное то, что это были острова. Значит, сообщение между Римом, Венецией, Неаполем, Родосом, Флоренцией было возможно практически только по воде. И это действительно было здорово! Ибо какая Венеция без каналов и гондол, красочного обряда венчания Дона с морем и самых настоящих морских сражений с применением огромного числа пиротехники (как она сумела «выжить» под проливными дождями первого дня игры — лично для меня так и осталась загадкой).

И, конечно же, несомненной удачей игры был ночной карнавал. Волей судьбы днём я практически не имел возможности играть, т.к. мне пришлось исполнять обязанности мастера в Риме, но зато ночью я смог хорошо расслабиться (в смысле наиграться вволю). И хотя, по разным обстоятельствам, осуществить на карнавале удалось примерно 1/10 от всех мастерских задумок, он, несомненно, удался. Цитирую одну саратовскую журналистку, впервые попавшую на игру:

«Спой нам, деточка, порадуешь старость. Голосок-то, поди, ангельский...» — приставали ко мне две сторбленные старухи. «Санта Лючия!» — заорала я, полагая, что это будет «в тему». Пляски, визг, шум, ночные фанелы... Это был знаменитый венецианский карнавал. «Веселимся?» — загорбным голосом прогудела маска, преградив мне путь к выходу. «Сеньора, мой господин пленен вашим обликом небесной красоты», — промурлыкал паж. Чертовски приятно: я понравилась Дон-Жуану! «Увы, — парирую, — о Дон-Жуане я слышана немало. Я не хотела бы обманутой быть им...». Смех, фейерверк, голова кругом. Время остановилось, и реальность словно исчезла... «Вот оно, смещение точки сборки», — успела подумать я, вспомнив разговоры мастеров об «изменении сознания» на игре».

Гости из Киева говорили нам потом: «Во многом мы ехали на игру еще и затем, чтобы увидеть настоящий карнавал. И вот проходит одна ночь, вторая, ничего все нет и нет, и тут, на последнюю ночь... Это было здорово». Задел-таки карнавал какую-то именно возрожденческую нить (цитата: «Вот, похоже, так оно все и было — только еще непристойней»).

И еще воспоминание: после карнавала (действие еще продолжается, но уже затухает) мы идем домой к палатке, а у каналов, фланируя по улицам, глядя на звезды, рука в руке — парочки, парочки, парочки... Венеция и любовь, черт побери, сеньоры!!!

И ещё один момент. Как мы привыкли на обычных играх? Ну, убили тебя, ну пошёл в Страну Мёртвых, ну пошел, потрелся с другими «мертвяками», на худой конец, поспал два часа или побегал какой-нибудь

зверушкой. На «Венеции» всё было по-другому. А как — не знает никто, кроме мастера Страны Мёртвых. Даже другие члены мастерской группы не в курсе. А те, кто туда попадал, видели каждый своё, и не очень-то спешили делиться впечатлениями. Кроме того, что было просто здорово. А Борис Батыршин, человек, которого, на мой взгляд, вообще трудно чем-то удивить в игровом движении, рассказывал, что воздействие данного места на него было так велико, что он просидел потом на берегу реки в раздумьях о вечном около полутора часов.

Вот пожалуй и всё, что я хотел написать. Ещё раз повторю, что это не подробный разбор полётов, и уж тем более не хроника событий. Это просто несколько сумбурные мысли и впечатления по поводу... а если кто-то хочет получить более подробную информацию об игре, почитать воспоминания и отзывы, посмотреть фотографии и архив римской канцелярии (правда, он пока ещё не выложен, но москвичи обещали к концу августа) милости просим в интернет по адресам:

<http://www.tbir.ru/~fangorn> или

<http://www.gorod.renet.ru/saratov>

А в заключение ещё одна цитата:

«Вообще-то мы все словно вновь родились. Это ощущение длится до сих пор. Будто прикоснулись к какой-то тайне. Теперь понятно, почему люди приезжают сюда из Москвы, Питера, Новосибирска, Ульяновска и даже Киева и Минска, не жалея ни времени, ни денег.

Путешествие в историю становится для них путешествием вглубь самих себя»

И как, уже после игры, написал один мой друг:

*Разбилась венецианское стекло,
Венок минувших треплетная нежность.
Стилетом в сердце — время истекло,
Песчинками стекая в неизбежность.*

*Рассвет встает над площадью Сан-Марко,
Каналов отступает темнота,
И гондольера синяя байдарка
Плывет из ниоткуда в никуда.*

*Палаццо дождей мертвенно молчит,
И ветер треплет шелковые стены,
Речной становится морская пена,
И голос флейты больше не звучит.*

*И что прошло — то, видимо, прошло.
И к дьяволу навет и кривотолки.
Разбилась венецианское стекло...*

*Но сердце —
больно ранили —
Осколки.*

• Адрес в редакции

«БИРЮЛЕВСКИЕ ЧУДЕСА»

Если вы забыли заказать сказку Николая Рубана «Бирюлевские чудеса», то еще не поздно сделать это, отправив заявку по адресу:

**630005, Новосибирск, Гоголя 21а,
кв. 2**

Олегу Логачеву

Стоимость книжки — 10 рублей, включая стоимость пересылки. Оплата — при получении, никаких авансов высылать не надо.

небом там собрано невероятное количество старых локмотивов, древних составов и странного вида вагонов. Помню, во сне я стоял на перроне, внимательно изучая расписание электричек на Щербинку, и делал пометки в блокноте. Проснувшись, я удивился правдоподобности сна, и того, как он вписался в реальность — цифры, записанные в блокноте, в эту минуту, казалось, я мог бы восстановить на бумаге. Некоторое время в моей голове одновременно существовали две взаимоисключающие картины мироздания — сна и реальности, возвращенной пробуждением, и вторая медленно вытесняла первую.

Сновидения, впрочем, быстро забываются. Об этом сне я бы теперь точно и не вспомнил, кабы не рассказал его еще днем приехавшему ко мне Борису, когда мы, гуляя во лесочке неподалеку от моего дома, давили по первой баночке «Рома с брусничкой».

Борис Таранков. Мечта поехать в Щербинку зрела у нас с Антуаном давно. Хотелось выбрать день, «отрешиться от забот», взять и приехать туда. Просто побродить среди отживших свой век железнодорожных трудяг, переступая через заросшие травой шпалы и отыскивая безлюдные, «щекочущие подсознание» закоулки...

В тот день, сидя в лесу, до краёв наполненном птичьим гомоном, и слушая рассказ Антуана о его странном сне, я неожиданно для самого себя предложил:

— Айда в Щербинку? Прямо сейчас.

Антуан, человек на подъём лёгкий, отрицательного ответа в принципе не допускал.

— А что? Легко! Только зайдём сначала ко мне, побеждаем...

Погода в этот день была на нашей стороне — славный такой, погожий, как раньше говорили, ясный и безветренный денек, замечательно подходящий для начинания всякого рода авантур. Мы стояли в тамбуре электрички, любуясь проплывающими мимо красотами, замечая то старинную, похожую на замок водонапорную башню, то странные хитросплетения рельсов на узловых развязках, то мальчишек, гоняющих на пустыре в футбол, сделавших ворота из нескольких поставленных друг на друга кирпичей. Настроение было замечательное, и, подъезжая к станции, мы решили, что если даже в Щербинке никакого полигона не окажется, мы не будем сильно огорчаться, а просто погуляем по окрестностям и в каком-нибудь живописном месте на природе прикончим благородно припасенную большую пластиковую бутылку очажковской «Ром-колы».

Выйдя из электрички, мы, не торопясь, осмотрелись.

— Нам туда! Вроде бы...

У местных жителей выяснили, что полигон действительно существует, и, уточнив координаты, отправились в указанном направлении. Через некоторое время мы заметили несколько заброшенных, заросших травой путей.

— А вон стрелка! Гляди!

— Ух ты! Давай подергаем...

Мы потопали по старым шпалам. Стрелка была довольно старой и рыжей от ржавчины. Казалось, от старости и одиночества она устала стоять ровно и покосилась в сторону, хотя, конечно, это было не так — ведь прямых стрелок просто не бывает. Засучив рукава, мы взялись... потом подкрепились «Ром-колой» и, ухнув, еще раз взяли, но все напрасно — ее заклинало намертво. Пришлось отряхнуть руки и вернуться на прежнюю дорогу, оставив в недоумении бродившего неподалёку старичка-сторожа, который сначала наблюдал за нашими манипуляциями, а потом долго чесал голову, глядя нам вслед.

Наконец, вот и полигон. Бросилась в глаза надпись на воротах: «Э. КОЛЬЦО». Мы долго ломали голову — что за «Э»? Экологическое? Экономичное? Или вовсе Энергетическое?

— А может, это «Эх, кольцо»? Что-то вроде «Эх, прокачу!»?

И спросить-то не у кого. Хотя, нет, вот навстречу идет молодая супружеская пара с детской коляской (и что понадобилось им на железнодорожном полигоне?). Увы, что такое «Э. КОЛЬЦО» они не знают. И вообще — сегодня выходной день, все закрыто.

А.Ф. Было бы неправдой сказать, что мы не были разочарованы теперь, когда мы стояли в двух шагах от запертых на замок вождельных локомотивов и паровозов. Заветная дверь, казалось, захлопнулась перед самым носом.

Мы все же попробовали проломиться через проходную. Борис начал импровизировать, что мы — студенты МИИТа и нам надо срочно сдавать «курсац по истории паровозов» (!). Без толку — все ангары закрыты, поставлены на сигнализацию, так что приходите, ребята, 10-го.

— Да 10-го нам уже сдавать. Специально ведь из Москвы приехали, надо же, как неудачно...

— Ничем не могу помочь...

— Нам бы только взглянуть...

— Рад бы, но... Разве что... пройдите, если хотите, немного вперед, там старый паровоз на рельсах. Заброшенный.

— Ого... Спасибо большое. Там собак нет?

— Нет.

Собаки были. Несколько псин без ошейников, но

мороженым. Но никто из продавцов и не слышал об облепиховом. И вот, последнее чудо — когда до вокзала оставалось перейти трамвайные пути, в последнем киоске я увидел знакомый стаканчик.

— Облепихового, пожалуйста.
— Может, возьмете другое? Это невкусное.
— Нет, будьте добры, именно этого.
— У меня дочка пробовала. Ей не понравилось.
«Ну и дура», — чуть было не послал я в адрес не то дочки, не то мамы, и голосом Ленского пропел:
— Я зна-аю, что я де-елаю...

Я сидел на трамвайной остановке напротив Московского вокзала и доедал стаканчик. Кисловатый, запоминающийся вкус трех счастливых дней. Действительно, прощальное чудо...

А урны поблизости не оказалось. И как питерцы живут без урн, не представляю. Я запихал пустой стаканчик в карман, чтобы выкинуть потом, но забыл. Он и сейчас у меня в кармане...

Еще оставалось время, чтобы позвонить домой. Я протянул в окошко всю оставшуюся в кошелек мелочь (чуть больше восьми рублей) и гордо сказал:

— С Москвой. На все.

Вышло что-то около двух минут. Я предполагал сначала позвонить домой, сказать что все нормально, я выезжаю, а потом позвонить тебе. Я еще не знал, о чем я хочу с тобой поговорить, хотя сейчас мог бы представить наш

разговор в деталях:

— Привет, Боря! Как ты там, в Москве?
— Алло, Антуан? Ты из Питера?
— Ага. А я тебе письмо написал. Мылом. Во вторник получишь. Впрочем, к тому времени я и сам на работе появлюсь.
— В самом деле написал? И о чем письмо? Хотя нет, не говори, я буду читать, представляя тебя в Питере. Понравилось?

— Очень. Столько впечатлений... только, знаешь, знакомых вокруг много, а поделиться не с кем. Совсем как у Крапивина — радость будет не полной, если не с кем ею поделиться. А очень хочется поделиться. Понимаешь, Боря?

— Понимаю, Антуан...

Увы мне не повезло. Разговора не получилось. Сначала я все время попадал не туда, потом дома почему-то никто не снимал трубку, а когда я позвонил тебе, тебя тоже на месте не оказалось...

Ну вот и все. Больше мне не о чем писать. Темнеет, город белых ночей остается позади. Но я еще некоторое время смотрю, как за окном поезда проплывают мимо темные ели и березы, и машут мне прощально телеграфные провода...

- hcab@gagarinclub.ru
- 117526 Москва, Ленинский пр. 144-5-61

Э. КОЛЬЦО

«Ну что Вам стоит [...] Возьмите, сделайте чудо!»
Вл. Крапивин

«... все это существенная правда».
«Иван Купала»

множество мелких случайностей и похожее на сон невероятное стечение обстоятельств, складывающихся в итоге в странную мозаику закономерностей.

Антон Федоров. *Все началось со странного сна, виденного мной накануне. А снилось мне, что от родной моей станции метро «Юго-Западная», где не то что поездов — трамваев отродясь не водилось, есть железнодорожная ветка, и ходит по ней электричка до Щербинки — небольшого местечка под Москвой, где находится огромный испытательный полигон железнодорожной техники. По слухам, в ангарах и под открытым*

ПИСЬМА ДРУГУ: НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

Как только мы что-нибудь выскажем, мы это удивительно обесцениваем.
Метерлинк

Антон Федоров, г.Москва

Пятница, 9 июня 2000. Лампа светит в глаза. Периодически хлопает рядом дверь, ведущая в тамбур. Матрас сбился опять, и я привстал его поправить, очередной раз ударившись головой о багажную полку. Как видно, этой ночью мне, если и удастся задремать, то только под утро. Не проспать бы... ну, да это дело проводника будить — мое же дело уснуть...

Разбудил меня кто-то из наших — мы едем целой организацией, и весь вагон поезда наш. Легкая дремота тут же прошла, но вставать я не торопился. Мимо меня туда и обратно шли потоком люди с полотенцами и зубными щетками, а я, пережидая туалетный бум, размышлял, не открыть ли Крапивина, благо времени до прибытия еще как минимум полчаса...

Давно я не читал так запойно. С детства. Вернулось забытое было ощущение полного погружения в книгу. И нет вокруг ни людей, ни их разговоров, время остановилось. Ты весь там, в другом мире, среди книжных героев, ты проникаешь внутрь каждого из них, и нет для тебя сейчас ничего важнее их мыслей, их радостей и бед.

Так я проглотил недавно «Кораблики», теперь вот дочитываю «Острова и капитаны». Третью книгу «Островов» я начал еще вчера и, вместо того, чтобы собираться, провалился с ней весь вечер. Взял ее и почитать в метро в пути на вокзал, думал, оставлю маме, провожавшей меня до поезда, книжка-то не моя — Бориса, брать в дорогу не стоит... но

остановиться я уже не мог. И потащил с собой в Питер. Прости, Боряка...

Я лежал на своей верхней полке и вспоминал наш вчерашний диалог в «аське». Ты сказал, что будешь скучать, а я, кажется, отшутился чуть перефразированным пушкинским:

*коль мысли черные к тебе придут,
откупори шампанского бутылку,
иль посмотри «Женильбу Фигаро»
с Марией Эвинг в роли Керубино...*

Боря, я не могу выражать свои чувства так же открыто и ясно как ты. Не умею, к сожалению. Есть у меня дурацкая неистребимая привычка начинать копаться в своих мыслях и ощущениях, все при этом усложняя и запутывая. Оттого-то, наверное, пытаюсь распутать этот клубок ощущений, и начал я записывать эти «Письма Другу» (Не обидишься, что я название позаимствовал? Другого-то пока не подыскал... Не обидишься, по глазам вижу.) В самом

деле, не описывать же исключительно красоты Санкт-Петербурга — на то немало существует путеводителей.

До сих пор я с трудом привыкаю к названию «Санкт-Петербург». «Ленинград» для меня как-то больше ассоциируется с этим городом. Даже при одном взгляде на слово «Ленинград», мне сразу видится острый, блестящий на солнце шпиль: «Л», а за ним ровный ряд роскошных трехэтажных зданий — букв.

...Я в кафе на Невском, куда нас привезли завтракать. Немало уже накропал в ожидании завтрака, а?.. Все сегодняшнее утро состоит из следующих одно за другим ожиданий. На Московском вокзале мы так

долго ждали «встречающего нас экскурсовода», что я успел прочесть пару глав из «Островов». Потом было расселение в общежитии на Петроградской стороне, сопровождаемое обычным в таких случаях бардаком — и дольше всех решалась моя участь. Затем, видимо, произошел очередной сбой в графике нашего пребывания в северной столице — завтрак откладывался на полтора часа, и нас повезли на обзорную экскурсию по городу. В автобусе меня совсем разморозило. Я изредка поглядывал в окно, но больше все клевал носом. Вылезать из автобуса, когда он останавливался возле разных памятных мест, мне совсем не хотелось. Хотелось есть и спать... Спать даже больше...

Ну, несут, наконец, горячее. Хвала общепиту!..

* * *

Пройдя по аллее Летнего сада, я остановился за спиной художника, рисующего мраморную статую. Рисунок был едва начат, контуры скульптуры только-только стали проявляться. Скульптура называется «Радость. Аллегория» и представляет собой полуголого мушкетера с идиотской улыбкой на лице. Помнишь, Борь, какие рожи у нас были на паровозе? Вот-вот... Я сел на лавочку в теньке неподалеку от «Аллегории» и вновь открыл свой блокнот. Итак, я остановился на общепите...

После завтрака всех наших повезли в Петропавловскую крепость. Я не поехал, отговорившись тем, что не люблю казематов. И остался один на один с Городом. Сонливость моя тут же улетучилась, а нервы сладостно затрепетали. Я почувствовал себя кошкой, гуляющей сама по себе. Кошаном. Появились приятное чувство готовности к любым приключениям и уверенность, что эти приключения обязательно будут. Впереди три дня свободы, и я волен идти, куда глаза глядят. На все четыре стороны сразу...

Первым делом я зашел в Дом книги, что напротив Казанского. Я походил по нему, как по музею, тщательно осмотрел все отделы, полистал с десяток разных книг, и, сам толком не пойму, почему, приобрел две книжки совершенно не известных мне авторов. В одной из них, например, мне очень понравился эпиграф. Привожу его полностью:

«Бог — толстый» (открытие Гуляки, сделанное им по возвращении из загробного мира).

«Земля — голубая» (заявил Гагарин, после первого полета в космос).

«Наждой вещи свое место, и наждакая вещь на своем месте» (надпись на стене в аптеке доктора Теодоро Мадурейры).

«Ах!» (вздыхнула донна Флор).

Последнее «ах» особенно тронуло мое сердце. И

захотелось мне привезти отсюда с собой что-нибудь такое... такое... сам даже не знаю, какое. В самом деле, что можно купить в Петербурге такого, чего нет в Москве? Статуетку Медного всадника разве что? Пивную кружку с корабликом Адмиралтейства? А может быть, все-таки книгу?..

Питер, вообще — город книжных магазинов. Маленький «Букинист» на Мойке, куда я свернул с Невского, был по счету уже третьим. Входя в него, я почти знал, что мне нужно. И мысль о Подарке почти сформировалась.

— У вас есть Лесков?

— А что именно вам нужно? (Продавец был похож на одного нашего юзера. Хороший юзер, исправно приносит абонентскую плату и не мучает телефонными звонками с глупыми вопросами, если у нас что-то ломается — мне такие пользователи нравятся).

— Есть такой рассказ у Лескова... название, вот, жаль забыл — как выбирали певчего на вакантное место... дьякона что ли... и нужен был такой, чтоб «жути в голосе побольше было». И вот, конкурсанты старались на разные лады: «ворчком», «завойкой», еще как-то там... да так, что слушатели от страха ноги под диван стали подсовывать. А под диваном...

— Знаю такой рассказ. «Грабеж» называется. Лесков вот на этой полке — поищите.

Продавец сразу стал мне симпатичен. Вот только нужного рассказа в книгах на указанной полке я, к сожалению, не нашел.

... Ох, что-то прохладно на лавочке — с утра сегодня было пасмурно, сейчас вроде проясняется, но ветерок все же порой пронизывает до костей. Пойду поищу места потеплее. Заодно погляжу, как там у художника продвигается с «Аллегорией»... Вроде бы он заканчивает: нанесет штрих-другой и отступает назад, любуясь готовым рисунком...

* * *

Выйдя из «Букиниста», я пошел вдоль набережной Мойки и вскоре очутился на Дворцовой площади. Там, в летней палаточке, выкушал чашечку кофе. Любопытно, а ведь это первая торговая палатка, встретившаяся мне за сегодняшний день. И что самое удивительное — нигде нет ларьков, даже возле метро. Вот метро в Питере есть, а ларьков вокруг нету. Для меня это даже дико как-то. Вот, к примеру, захотелось простому петербуржцу выпить пива. Его действия? У нас куда все проще — подходишь к ближайшему ларьку, берешь бутылочку, допустим, 0.33 «Афанасия», и пакетик, положим, чипсов, ну хоть бы с укропом. И заглатываешь все это по дороге, не меняя направления движения. Пустой пакетик, предварительно надув и хлопнув об коленку, кидаешь в урну, а бутылку

«Вот и позавтракали», — подумал я. Хорошо, хоть дорожная моя сумка была еще со вчерашнего дня собрана, схватил ее и быстро спустился вниз...

В третий раз за окном автобуса пропльвали уже знакомые питерские пригородные просторы, но любоваться ими что-то уже совсем не хотелось. Приехав в Петродворец, я первым делом кинулся в торговую палатку... Вот уж никогда бы не подумал, что банальный «фаст фуд» может быть вкусным...

Второй день стоит жара, на небе ни облачка. Скорей к фонтанам! Я побыстрее удрал от экскурсии, рассматривающей всякие домики да павильончики, но пошел почему-то в Финском заливу. Снял майку, походил босиком по кромке воды... Ну вот, почти на море побывал. А потом отправился искать фонтаны-шутихи. Туристам обычно говорят, что фонтанчики начинают бить, если наступишь на какой-то определенный камень. И все тут же бросаются искать этот камушек. Вранье. Я нашел того неприметного дядьку, который сидит поодаль с бесстрастным лицом и давит ногой на рычаг, включающий насосы. А все равно, пробежаться в жаркий день под шутихами и быть обрызганным с ног до головы доставило большое удовольствие.

На выходе из петродворцового комплекса, в ожидании нашего автобуса, я взял мороженое из облепихи. Никогда раньше такого не встречал, вот и решил попробовать. Вообще-то я не особый ценитель мороженого, но это оказалось восхитительным — без привычной приторной сладости шоколадных и сливочных, с кисловатым, очень запоминающимся вкусом. Но на любителя, сразу предупреждаю.

Пообедали мы где-то в центре, а после для желающих была дополнительная экскурсия в Царскосельский Лицей. Я не поехал. Был я там давно, в детстве, и все, что помню, это Пушкина, развалившегося на скамейке, (по малолетству я обозвал эту скульптуру пьяницей), да идиотскую фразу откуда-то из Стругацких: «Екатерина Великая, о! поехала в Царское Село». А все же лучше наполедок еще по городу поброжу. Я добрался до Московского вокзала, сдал сумку в камеру хранения и налегке отправился бродить.

Как и в первый день в Питере, я решил начать с книжного магазина. Магазин оказался с претензией на некий шик, то ли современного менеджмента, то ли русского дореволюционного ланейства: «Что угодно-с?..».

— Лесков у вас есть?

— Минуточку, я выясню. Пройдите пока сюда, пожалуйста.

— Благодарю вас...

Я стал осматривать полки. Тот же, что и везде,

стандартный набор пестрых обложек. Лесков у них, если водится, то, небось, пособие для школьников: как не делать ошибок в сочинении. И точно, принесло мне знакомый темно-вишневый томик.

— Спасибо. Это все, что есть?

— Да. А что вас интересует?

— Меня интересует определенный рассказ Лескова. Здесь его нет. Скажите пожалуйста, а что у вас есть Крапивина?

— Минуточку... А что он написал?

Я сказал.

— Минуточку...

— Да ради Бога...

Немного погодя, менеджер вернулся с какой-то мадам. — Это вы спрашивали про Крапивина? Был у нас «Оруженосец Кашка»...

— Да весь вышел, — закончил я мысль. — Спасибо за консультацию.

Ну да ладно, это пижонство, в самом деле — покупать книги Крапивина в Петербурге. Нам и центрполиграфовской лавочки на «Новослободской» хватит, верно, Борь?..

Я шел по Невскому и опять увидел свадьбу. Как в первый день на Марсовом поле. Машины с лентами, кольцами и воздушными шарами, приглушенное гудение Мендельсона. Я подошел поближе. Это было возле странного фонтана с тяжелым гранитным шаром, из-под которого текла вода. «Ну, молодой, крути», — сказали из толпы, и жених стал крутить шар, сперва с видимым усилием, а затем шар стал вращаться легко, по инерции. Любопытный обычай...

А что это я все иду? Я сел на троллейбус и проехал до Аничкова моста. Полюбовавшись гордыми скульптурами Клодта, я перешел на другую сторону, в тень, и пошел не торопясь в сторону Московского вокзала. Самое время где-нибудь присесть, перевернуть впечатления. До отхода поезда было еще два с половиной часа.

* * *

Осталась пара листов. Хватило мне тетрадошки. Впритык...

Я пишу эти строки в поезде, везущем нас в Москву. Снова весь вагон наш, и я на своем старом месте на верхней полке, только номер поезда стал на единичку больше. Как будто и не было этих трех дней, так быстро, как сон, они промелькнули. А в самом деле, что от них останется? Фотографий я не делал, подарков не купил... только несколько старых билетиков на дне похуевшего кошелька, да пара книг, которые можно было бы купить и в Москве, а то и вовсе не покупать. А еще эти записи...

Я шел к вокзалу, внимательно рассматривая киоски с

недурная скорость. Тогда-то, Борь, я и написал тебе письмо, в котором опять вспомнил наш неоконченный разговор... Вот, кстати, замечательное название для этих записок, если они когда-нибудь будут дописаны: «Неоконченный разговор». Но и подзаголовок «Письма Другу» оставлю обязательно. Последней фразой моего письма значилось: «Знаешь, сегодня было отчего-то мрачное настроение, а теперь, вроде как, полегчало. Словно поговорил с тобой...». Это правда.

А еще я попытался найти в интернете лесковский рассказ. И опять неудача. Ну ничего, рассказ я отыщу.

Вернувшись в общежитие, я думал записать сегодняшний день, а потом передумал. Смешно, вчера еще я думал купить новый блокнот. Куда там... Не мни себя писателем, дорогой мой, ласково сказал я себе. Полный ступор — твоё обычное состояние. А может так оно и к лучшему? Как мрачно шутил Экклезиаст: *«Много книг составлять — конца не будет, и много читать — утомительно для тела (12:12)»*.

Воскресенье 11 июня 2000. Вчера я лег рано, думая пораньше и встать, посмотреть, как сводят мосты. А то обидно, побывать в Питере на белых ночах и не видеть разведенных мостов.

Я проснулся в начале шестого и, не мешкая, выбрался на улицу. Город был совершенно пуст и безлюден. Отсыпались даже те, кто ходил смотреть, как разводят мосты. И только редкие машины обгоняли меня. Это меня насторожило — куда они едут, если мосты разведены? Я прибавил шаг.

И все же я опоздал. Мосты уже были сведены обратно, и первые машины ехали по ним с одного острова на другой.

С Кировского моста мне открылась панорама просыпающегося Петербурга. И пришла мне в голову вдруг мысль, что главное здание в этой панораме не Зимний дворец, притулившийся сбоку, не громадный Исаакий где-то за домами, а Биржа на Стрелке Васильевского острова в обрамлении Ростральных колонн. Вот она — центр композиции. Отчего-то мне сделалось неприятно, что это большое, красивое здание с античной колоннадой не театр или концертный зал, а именно биржа. Я отвернулся и стал спускаться. Тут я заметил табличку с графиком сведения-разведения моста. Изучив ее внимательно, я понял, что опоздал всего минут на 15-20. Вдвойне обидно. Ну и ладно. Зато я видел то, чего не видел никто и никогда.

Возле решетки Летнего сада не было ни души, а перелезть через полукруглое угловое ее завершение ничего не стоило. Притаившись в забном сумраке густых деревьев, я наблюдал за волшебным танцем мраморных статуй. Их движения были плавны и очень медленны — один

поворот головы или взмах руки длился, казалось, вечность. В этот ранний рассветный час, пользуясь тем, что их никто не видит, статуи принимали позы более естественные и свободные, чем те, которыми их наградили скульпторы. «Аллегория Радость», сбросив надоевшую улыбку, стоял с задумчивым видом. Но вот он заметил, что я за ним наблюдаю. На мраморном лице медленно появилось удивление, затем его сменило, как мне показалось, смущение, и наконец, так же неспешно, лицо «Аллегории» расплылось в знакомой беззаботной улыбке. Улыбка проявлялась минут пять, не меньше. Я махнул ему на прощание и двинулся было дальше, но тут в конце аллеи показались двое милиционеров, и мне самому пришлось превратиться в статую, замерев в нелепой позе, пока они неспешно проходили мимо.

Потом я снова шел по безлюдным утренним улицам Города, стараясь выбирать более нагретую, солнечную сторону. Беззаботное легкое настроение первого дня вернулось ко мне...

А потом я катался на omnibusе. Совсем заврался, — скажешь ты. А вот и нет. Здесь действительно есть маршруты, по которым ходят двухэтажные, как в Лондоне, автобусы. Не глядя на маршрут, я быстро забрался на второй этаж и приготовился воображать себя в туманном Альбионе. Покатаюсь по городу, думал я, а потом на метро вернусь в общежитие и завтраку. После завтрака у нас экскурсия в Петродворец, а вечером поезд домой, в общежитие мы уже не возвращаемся.

Ехать на втором этаже мне очень нравилось — глядеть свысока на крыши обычных автобусов — они казались карликами, какими кажутся из простого автобуса легковые машины. Мелькали на уровне глаз дорожные знаки, и можно было чуть ли не заглядывать в окна вторых этажей домов. Но через некоторое время мы выехали на окраину, дома стали встречаться реже, а после и вовсе перестали попадаться. Это меня насторожило.

Я спустился, подошел к водителю и спросил его о пункте назначения.

— Петергоф, — ответил он.

— А скоро? — я нервно посмотрел на часы.

— Минут через двадцать. А вам куда надо?

— Да мне бы уже обратно, — честно сказал я.

— Тогда вам нужно пересесть на такой же автобус из Петродворца. Вот остановка. Подождите, он сейчас появится.

...Когда я торопливо подошел к общежитию, то увидел всех наших, заканчивающих погрузку в экскурсионный автобус.

— Антон, ну наконец-то, — сказали мне. — Вещи у тебя наверху? Давай быстрее за ними.

так вообще можно поставить где угодно — она и десяти минут не простоит, ее переберут «санитары улиц» — бабушки с тележками на колесах и большими сумками для стеклотары. Как же спасаются простые петербуржцы — для меня пока загадка.

Подкрепившись в палатке с видом на Александринский столп, я двинулся дальше по Миллионной улице. Вот знаменитые Атланты, закутанные снизу в целлофан по пояс (видимо, на реставрацию), вот мостик через Канавку, а вот и мемориальная доска: *«Ночь. Зимняя Канавка. В глубине сцены набережная и Петропавловская крепость, освещенная луной. Под аркой, в темном углу, стоит вся в черном Лиза»*.

Вру я. Нет никакой мемориальной доски. А жаль... Я подошел к арке: вот здесь она, заламывая руки, пела: *«Уж полночь близится, а Германа все нет...»* Он пришел, и она выбежала ему навстречу: *«Конец наших тягостных мук...»* Но когда он, оттолкнув ее, убежал: *«Куда? Куда?! В игорный дом!...»* — она... (я зашел на горбатый мостик и перегнулся вниз) да-да, вот отсюда... А вот там ее выловили и, вытащив на гранитный берег, откачали. Лиза несколько недель была больна, но поездка во Флоренцию окончательно исцелила ее, а по возвращении в северную столицу она составила прекрасную партию графу Елецкому, состояние которого совершенно неожиданно увеличилось, причем изрядно — 160 тысяч рублей, выигранные в ту роковую ночь в заведении Чекалинского, немалые деньги по тем временам.

Миллионная улица привела меня к Летнему саду, где я, заплатив 3 рубля за льготный входной билет (цена одной поездки на метро или одного пользования общественным туалетом), пошел по тенистой аллее, разглядывая мраморные скульптуры, а потом присел на лавочку неподалеку от весьма занятой фигуры, которую рисовал художник. Мимо проходили гуляющие, останавливались около художника, прошел один раз милиционер, носом посмотрев в мою сторону...

Затем и я, наконец, подошел полюбоваться рисунком, а через минуту уже напевал про себя «Оду к Радости» из финала 9-й симфонии Бетховена. Эту явню удался художнику, и в позе, а особенно в тщательно выписанной улыбке скульптуры, было передано заразительное ощущение радости. Должно быть, я пропел «обнимитесь, миллионы» вслух, ибо художник посмотрел на меня, как на идиота...

... Из Летнего сада я перебрался в уютное кафе на Садовой.

Проходя мимо Марсова поля, я встретил свадьбу (к счастью?). Молодые клали цветы к вечному огню, а нанятый духовой оркестрик старательно выдувал «

Свадебный марш» Мендельсона. Помнишь анекдот — «А теперь пошел Мендельсон... Стоп! А вы куда идете? Вы Мендельсон? Да?! В записи пойдете...»

Прекрасное кафе я нашел на Садовой! Очень рекомендую. Выйду — обязательно запишу адрес.

Взяв три пирожка и тарелку рыбного супа, я наивно полагал, что быстро с ними разделаюсь, так как успел проголодаться с утра. Минут через десять я понял, как опасно переоценивать свои силы. Еще через четверть часа я горько раснаивался, ибо мне стало ясно, что, хотя суп очень вкусный, эту тарелку мне не доесть никогда. Тарелка, вернее, миска оказалась бездонной — обманчиво маленькая, она была очень глубокой и имела округлые, чуть выпуклые формы, что также увеличивало суммарный объем супа.

В кафе замечательно пишется — здесь тепло, светло и удобно, и стол как раз на нужном уровне — это не на колени в Летнем саду строчить. Здесь нет праздного гуляющих (кроме меня), все пришло по делу, а именно поесть, я не заметил ни одного любопытствующего взгляда («а что это он там такое пишет?») А может, я просто не вижу их, увлеченный работой. Потгивая кофе (несравненно лучший, чем на Дворцовой) и тоскливо поглядывая на оставшийся пирожок, я лихо марую страницу за страницей — полдня только прошло, а уже почти половина блокнота исписана, новый пора покупать.

Так уютно было, наверное, и в парижских кафе, когда в них собирались поэты, сидели до закрытия, читая друг другу свои стихи и жарко споря об искусстве. Настроение такое... монпарнасское. Хочется встать и прочесть что-нибудь вслух.

Словно я в «Ротонде», а вокруг собрались русские, не нужные Родине поэты и писатели с судьбами, искорененными эмиграцией. И вертится старая пластинка с голосом Вертинского: *«...Летний сад, Фонтанка и Нева... вы, слова знакомые, куда?»* Странно как, вот я здесь, в двух шагах от Невы и Фонтанки, а они далеко, за много десятилетий и сотен верст отсюда, почему же такой болью отзывается во мне их тоска по потерянной России?..

А ведь и я сейчас далеко от дома. И один... Давно, кстати, пора позвонить домой, сказать, что у меня все в порядке. Сегодня я встречал много междугородных телефонов-автоматов, но нигде не видел карточек для них, а московская карточка к ним не подходит, это я проверил.

Ну что, еще чашечку? А-ля Шаратов: *а вы мне еще кофеину налейте, я у вас долго сидеть буду...* Нет, баста. Пойду искать почту...

Соседи мои по комнате еще не пришли, видать, любуются белыми ночами, а в соседней комнате качки из

Мурманская громко разговаривают и смеются, и громко ходят в туалет. Я ввалился в общежитие под вечер и сразу же завалился на кровать, прямо на покрывало, очень довольный, но и очень уставший — целый день на ногах, один раз только проехал одну остановку на троллейбусе, да и то не туда, возвращаться пришлось. Эх, ничего-то мне больше не нужно, «я б хотел забиться и заснуть»... Но, полежав так немного, я отчетливо понял, что спать мне не хочется совершенно. Обман чувств. Очень знакомая штука... Я снова принялся за свои записи...

«Переговорный пункт» я нашел неподалеку от Казанского собора, неприметная такая вывеска — пару раз проскочил мимо, пока отыскался... Но прежде чем продолжить, записываю сразу, пока помню адрес кафе: ул. Садовая, д. №14, заведение называется «ВВС», интересно, в честь Военно-воздушных сил или радио «Би-би-си»?..

...Поговорив с Москвой, я с легким сердцем, не торопясь, зашагал по Гороховой. Какой приветливый, чистый город! И не верится, что еще сегодня утром из окна автобуса он мне показался неуютным, с потускневшими, давно не крашеными домами, с мрачными подворотнями, в которые лучше и не заглядывать. Небо было хмурым и пасмурным, а тут еще наш гид принялась рассказывать, как мало в Петербурге бывает ясных дней и приводить цифры, сколько именно; она говорила, что, в основном, здесь погода сырая и холодная, так что и не поймешь, то ли зима еще не прошла, то ли лето уже закончилось; она читала что-то трогательное и длинное из Ахматовой и Блока, а мне припомнились строки из песни Виктора Цоя: «Я люблю этот город, но зима здесь слишком длинна...» Да, Витя Цой сказал коротко и выразительно, как отрезал: «Я люблю этот город, но зима здесь слишком темна. Я люблю этот город, но как страшно здесь быть одному...»

Может быть, когда-нибудь я окончательно созрею, чтобы написать серьезное исследование творчества Цоя, именно как поэта. Я прослежу тогда все этапы развития его поэтического языка, отмечу разнообразие в использовании повторяющихся образов, таких как «дождя» в ранних, «звезды» в более поздних стихах, но сейчас...

*Но сейчас деревья стучат ветвями в стекла
Ты можешь лечь и уснуть и убить эту ночь
Деревья как звери царапают темные стекла
Пока еще не поздно лечь и уснуть в эту ночь*

Эти, на мой взгляд, лучшие из его строк, имеют сейчас для меня особенный, конкретный смысл. Действительно, самое простое сейчас — лечь и уснуть. И убить эту ночь... Мурманские качки за стеной угомонились и теперь

напевают «Темную ночь», жутко фальшивя. Нет, я не усну, качки мне в этом помогут. *Завтра утром ты будешь жалеть, что не стал...*

Я шагал по Гороховой, радуясь появляющемуся солнечному свету и теплу, неожиданно открывшейся из-за поворота перспективе, и считал сегодняшние «ноты». Баржа на Мойке, выкачивающая со дна ил, а этот процесс зачем-то подробнейшим образом снимают на видеокамеру — раз. «Мальчик, руками не трогай...-те...», — это в Летнем саду. Надо же, меня еще можно принять за мальчика — два... А вот плюшевая собачка в витрине. До чего ж искусно сделана — как настоящая. Я остановился. «Игрушка» приподняла голову и посмотрела на меня умными карими глазами. Три! Башня!! Чмокнув собачке, я двинулся дальше. Ой, да что вспоминать, сегодняшних «нот» хватило бы не то что на «башню» — на целый архитектурный ансамбль...

«Уж не жду от жизни ничего я...» С чего бы это мне припомнилось? С какой стати? Я остановился и прислушался... И вдруг мне показалось, что нет в этих хрестоматийных пермонтовских строках ни трагизма, ни пафоса, а только спокойствие и усталость, может быть... «И не жаль мне прошлого ничуть». О чем жалеть, чего желать?! Все тщета и погоня за ветром... может, их даже и нет вовсе, будущего с прошлым, а есть только настоящее, вот оно: здесь и сейчас. Даже слово у него крепкое и прочное — «настоящее».

Я свернул к Мойке, и сильный встречный ветер набросился на меня. Наклонившись вперед, я зашагал ему навстречу. «Выхожу один я на дорогу...» — негромко запел я на мотив «Песни о Родине» Дунаевского. Очень подходящий мотив...

Мне повезло — я успел как раз на последнюю экскурсию в Исаакиевском соборе. Но если уж везет, так везет капитально: пройдя затем Сенатскую площадь (Денабристов), Адмиралтейскую набережную, перебравшись по бесконечно длинным мостам сначала на Стрелку Васильевского острова, а потом на Петроградский остров, я очутился у Петропавловской крепости. С утра не пошел — схожу сейчас, решил я.

В Петропавловском соборе пел мужской хор. Это потом я выяснил, что хор под управлением Вадима Афанасьева выступает в этом соборе только раз в неделю, по пятницам, так что, приди я в другой день или даже сегодня чуть позже, я б его не услышал. Но это потом, а сейчас я просто сидел в третьем ряду расставленных наспех стульев и просто балдел от звуков и еще чего-то трудноуловимого, непередаваемого словами... может быть, аромата сегодняшнего дня?.. А он еще не закончился...

Уплатив пятак, я поднялся на парадет

Петропавловской крепости. Любопытно, вот уже четвертый раз за сегодня я беру билет за полцены, и еще ни разу меня не попросили продемонстрировать студенческий... Я облокотился на деревянные перила. Приятный женский голос из динамиков, сопровождаемый почему-то музыкой из «Щелкунчика», пояснял, что именно «...открывается Вашему взору».

Вот таким мне и хочется запомнить Город — торжественный ансамбль трехэтажных зданий, увенчанных, словно дорогими шапками, блестящими куполами и крестами церквей. Неприступный, громадный Исаакий в отдалении. Летнее вечернее солнце и не думает садиться, я разглядываю дворцы, набережную, мосты... и не в первый уже раз за сегодня уколола меня невеселая мысль, что нет рядом друга, которому можно сказать, легонько толкнув в бок: «Ну как тебе? Нравится?..», и услышать в ответ... что?.. «Еще бы, Антуан»?.. «А вон, гляди, флаг над куполом...» А в самом деле, что это за флаг, синий с желтым диагональным крестом? «Андреевский»? Нет, Андреевский, вроде бы наоборот, белый с голубым крестом...

— Простите, вы не подскажете, что это за здание, вон, с большим круглым куполом? — спросил я у стоящей неподалеку мамы с маленьким мальчиком.

— Это? Кажется, Пушкинский дом. — И в подтверждение ее слов из динамика донеслось: «...А справа на Стрелке Васильевского острова вы можете видеть купол Института русской литературы, или, как его иначе называют, Пушкинский дом, бывшую Таможню...». Я прислушался, но экскурсия понеслась дальше, так и не разъяснив, почему военный флаг развевается над «Пушкинским домом». Или не военный?..

— А вы не знаете, что за флаг над ним?

— Нет, не знаю, ж сожалению...

— Вы иностранец? — спросил вдруг мальчик.

Я улыбнулся.

— Почти... Я из Москвы.

— Извините... — сказала мама мальчика, потрепав его по голове, и тоже улыбнулась...

* * *

До отхода поезда еще два с половиной часа, вещи мои в камере хранения на Московском вокзале, а сам я в тихом квадратном дворике на улице Рубинштейна, с простенькой скамеечкой в центре, словно специально предназначенной для того, чтобы я мог присесть и записать, наконец, события последних двух дней.

Суббота, 10 июня 2000. С утра были в Эрмитаже. Когда экскурсия закончилась, я принялся бродить по залам один. Не роскошное убранство и богатая отделка залов больше всего привлекали меня, а картины и скульптуры.

И думалось мне о том, что вот наступило же Возрождение после Средневековья, повернулось что-то в мозгах у людей, раз захотелось им прекрасно. И был возврат к античной гармонии, и было преклонение перед красотой. А может, и мы когда-нибудь, пресытившись пошлостью повседневной нашей жизни, поймем, наконец, пророченную Достоевским истину, что красота спасет мир. И придет тогда новая эпоха возрождения... Размечтался...

До обеда мы еще посетили «Спас на крови», побывали внутри. Ходя с экскурсией по мягким коврам, предохраняющим пол из тонких полосок мрамора, любуюсь мозаикой, любовно восстановленной реставраторами (одна из них заставила замереть, задрал голову — изображение Христа в мальчишеском возрасте, «Teenager Christ» — как его называют иностранцы), я радовался, честно говоря, что остался этот храм музеем. Поймал я себя на мысли, что запах ладана был бы мне здесь неприятен, отвлекло бы колышание и потрескивание свечей, а гнусавый читок дьякона и вой клиросных бабок и вовсе загубили бы светлое впечатление...

После обеда я вновь пошел по городу, но вчерашнее настроение не возвращалось. Улица меня привела на Сенную площадь, где увидел я и ларьки, и грязь возле них, и словно чем-то родным повеяло...

Вчерашний день, часу в шестом,

Зашел я на Сенную;

Там били женщину кнутом,

Крестьянку молодую.

Со времен Некрасова эта площадь не стала привлекательней...

Ни звука из ее груди,

Лишь бич свистал, играя...

А что же делает наш поэт? Кричит, захлебываясь от гнева: «Что ж вы это, суки, делаете?!»

И Музе я сказал: «Гляди!

Сестра твоя родная!»

И только? Что ж это вы, господин поэт? Где ваша гражданская позиция? Где ваше праведное возмущение? А зачем, — так и слышится мне усталый ответ, — таков наш мир, и возмущаться бессмысленно...

Я снова крутился по городу, но это больше не доставляло радости. Наконец я увидел впереди метро и решил, что пора возвращаться. Но идти по прямой почему-то не хотелось, я вильнул в сторону, сделал какой-то замысловатый крюк и оказался вдруг около компьютерного клуба. Так-так, интересно...

Я зашел. Это было что-то вроде игрового зала, но был там и интернет. Я поинтересовался расценками и качеством связи. Оказалось — недорого и, в то же время, очень